

18+

ХРОНИКИ КАДУОЛА

ЭКСЕ И
ДРЕВНЯЯ ЗЕМЛЯ

ДЖЕК ВЭНС

Джек Вэнс

**Хроники Кадуола:
Эксе и Древняя Земля**

«Издательские решения»

Вэнс Д.

Хроники Кадуола: Эксе и Древняя Земля / Д. Вэнс —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-551972-6

Экосистема планеты Кадуол уникальна. Тысячу лет тому назад она была объявлена заповедником. Существует, однако, преступный заговор среди тех, кто стремится к власти и обогащению за счет обильных ресурсов этой планеты. Глоуэн Клатток обязан выследить организаторов саботажа и отдать их в руки правосудия — но обнаруживает, что в сговоре замешана его собственная семья! Ему удастся раскрыть преступления, совершенные в далеком прошлом, и выявить подоплеку кризиса, угрожающего Кадуолу.

ISBN 978-5-00-551972-6

© Вэнс Д.

© Издательские решения

Содержание

I. Система Пурпурной Розы	6
II. Общество натуралистов	7
III. Планета Кадуол	8
IV. Станция Араминта	9
V. Консерватор и натуралисты в Строме	11
VI. Йипы и Йиптон	14
VII. Строма	15
VIII. Достойные внимания обитатели станции Араминта, Стромы и других мест	16
Глава 1	20
I	20
II	25
III	30
IV	34
V	38
Глава 2	44
I	44
II	69
III	71
IV	72
V	74
Конец ознакомительного фрагмента.	76

Хроники Кадуола: Эксе и Древняя Земля

Джек Вэнс

Дизайнер обложки Yvonne Less

Переводчик Александр Фет

© Джек Вэнс, 2021

© Yvonne Less, дизайн обложки, 2021

© Александр Фет, перевод, 2021

ISBN 978-5-0055-1972-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предварительные замечания

I. Система Пурпурной Розы

(Выдержка из 48-го издания труда «Человеческие миры»)

На полпути вдоль ветви Персеид, на краю Ойкумены, капризный вихрь галактической гравитации подхватил десяток тысяч звезд и небрежно, как сеятель – пригоршню зерна, рассыпал их мерцающей струйкой с завитком на конце. Этот звездный ручеек – Прядь Мирцеи.

В самом конце завитка, рискуя потеряться в безбрежной пустоте, приютилась система Пурпурной Розы, состоящая из трех солнц – Лорки, Синга и Сирены. Белый карлик Лорка и красный гигант Синг быстро вальсируют вокруг общего центра притяжения подобно дородному пожилому любезнику с побагровевшим от натуги лицом и капризной миниатюрной барышне в белом бальном платье. Сирена, желтовато-белое светило, по диаметру и яркости принадлежащее к самому распространенному классу звезд, занимает орбиту на почтительном расстоянии от флиртующей парочки.

Сирене принадлежат три планеты, в том числе Кадуол. Больше одиннадцати тысяч километров в диаметре, Кадоул во многом похож на Землю, и сила притяжения на нем мало отличается от земной.

(Перечень физических характеристик и результаты химического анализа атмосферы см. в источнике.)

II. Общество натуралистов

Первый исследователь Кадуола, разведчик-заявитель Р. Дж. Нейрманн, был членом-корреспондентом земного Общества натуралистов. Экспедиция, снаряженная Обществом в связи с получением его отчета, по возвращении на Землю рекомендовала сохранить Кадуол навеки в первозданном виде, предохраняя эту планету от заселения человеком и коммерческой эксплуатации.

С этой целью Общество официально оформило акт о регистрации недвижимости – бессрочный договор, предоставляющий Обществу исключительное право собственности на планету Кадуол. После этого единственная формальность, необходимая для подтверждения имущественных прав Общества, заключалась в периодическом продлении действия договора, каковая обязанность была возложена на секретаря Общества.

Общество немедленно издало указ о создании Заповедника – «Великую хартию» с уставом Заповедника в приложении, заложившую основу политической конституции Кадуола. Хартия, устав и договор хранились в сейфе с другими архивными документами Общества, а на Кадуол отправили персонал управления Заповедника.

III. Планета Кадуол

Ландшафты Кадуола бесконечно изменчивы, нередко поразительны и почти всегда – с человеческой точки зрения – выглядят одухотворенными, внушают трепет и благоговение, приятны для глаз и даже идиллически прекрасны. Туристы, поочередно проводящие день-другой в нескольких «приютах» Заповедника, покидают Кадуол с сожалением, причем многие возвращаются снова и снова.

Флора и фауна этой планеты не уступают разнообразием растительному и животному миру Древней Земли – изобилие обитающих здесь видов бросало вызов поколениям биологов-исследователей и систематиков. Многие крупные животные свирепы и опасны; иные проявляют признаки рационального мышления и даже чего-то напоминающего способность к эстетическому восприятию. Некоторые разновидности андорилов общаются на разговорном языке, но лингвисты, несмотря на все усилия, так и не смогли его истолковать.

Трем континентам Кадуола присвоили наименования «Эксе», «Дьюкас» и «Трой» (то есть «первый», «второй» и «третий»). Их разделяют пустынные просторы океана, за несколькими редкими исключениями не оживленные островами ни вулканического, ни кораллового происхождения.

Эксе, продолговатый и узкий материк, растянулся вдоль экватора: практически плоское царство болот и джунглей, покрытое сетью медлительных извилистых рек. Эксе пышет жаром и зловонием, пульсирует яркими красками и прожорливой энергией. Здесь хищные звери повсеместно преследуют и яростно пожирают друг друга, что делает этот континент неподходящим для человеческого поселения. Натуралисты даже не попытались устроить в этом тропическом аду «приют» для любителей дикой природы. Над дымящейся испарениями равнины Эксе возвышаются лишь три ориентира – один потухший вулкан и два действующих.

Первопроходцы практически не уделяли Эксе никакого внимания; впоследствии, когда закончилась первая лихорадочная кампания биологических изысканий и топографических съемок, исследователи в основном сосредоточивались на других континентах, и тропические джунгли Кадуола остались по большей части неизведанными.

Дьюкас, примерно в пять раз больше Эксе, раскинулся главным образом в умеренных северных широтах на другой стороне планеты, хотя Протокольный мыс, крайняя южная точка этого континента, находится на конце длинного узкого полуострова, пересекающего экватор и продолжающегося еще полторы тысячи километров. Фауна Дьюкаса, не столь экзотическая по сравнению с причудливыми чудовищами Эксе, тем не менее достаточно агрессивна и нередко внушает серьезные опасения; кроме того, здесь встречаются несколько полумразумных видов. Местная флора во многом напоминает земную – настолько, что на раннем этапе освоения планеты агрономы смогли внедрить несколько полезных видов с Земли, таких, как бамбук, кокосовая пальма, виноградная лоза и фруктовые деревья, не опасаясь экологической катастрофы.¹

Трой, к югу от Дьюкаса, по площади примерно равен Эксе и простирается от полярных льдов до умеренных южных широт. Трой отличается самой драматической топографией на Кадуоле. Здесь головокружительные утесы нависают над пропастями, океанские валы с грохотом бьются о береговые скалы, в дремучих лесах бушуют неукротимые ветры.

К востоку от побережья Дьюкаса разбросаны три небольших острова, вершины уснувших подводных вулканов – атолл Лютвен, остров Турбен и Океанский остров. Больше ничто не препятствует волнам мирового океана, вечно совершающим свой кругосветный бег.

¹ К тому времени давно уже были разработаны биологические методы интродукции новых видов в инопланетных условиях, не наносящей ущерб туземной флоре и фауне.

IV. Станция Араминта

На восточном берегу Дьюкаса, на полпути между Протокольным мысом на юге и Мармионовой землей на севере, в анклав площадью чуть больше двадцати пяти тысяч квадратных километров, Общество натуралистов учредило станцию Араминта – административное управление, контролирующее Заповедник и призванное обеспечивать соблюдение Хартии. Функции управления подразделили между шестью отделами следующим образом.

Отдел А: учетные записи и статистика.

Отдел В: патрулирование, разведка и розыски, в том числе поддержание порядка и охрана.

Отдел С: таксономия, картография, исследования в различных областях естествознания.

Отдел D: бытовое обслуживание постоянного персонала.

Отдел E: финансовый контроль, импорт и экспорт.

Отдел F: обслуживание временно проживающих посетителей.

Первыми начальниками отделов (суперинтендантами) стали Демус Вук, Ширри Клатток, Сол Диффин, Клод Оффо, Марвелл Ведер и Кондит Лаверти. Каждому из них разрешалось нанимать до сорока подчиненных. Каждый предпочитал назначать молодых специалистов из числа своих родственников и знакомых, что помогло первым поколениям работников управления избежать разногласий и столкновений, часто омрачающих жизнь поселенцев.

За многие века многое изменилось, но основы существования на Кадуоле остались прежними. Хартия продолжала быть основным законом работников Заповедника, хотя некоторые политические фракции стремились к изменению ее положений. Иные – главным образом йипы, островитяне с атолла Лютвен – полностью игнорировали Хартию. На станции Араминта первоначальный примитивный лагерь исследователей превратился в городок, самыми заметными строениями которого стали шесть напоминающих дворцы «пансионов», где проживали потомки Вуков, Оффо, Клаттоков, Диффинов, Ведеров и Лаверти.

Со временем каждый пансион приобрел индивидуальные черты, присущие не только зданию как таковому, но и его обитателям – благоразумные и основательные Вуки ничем не напоминали легкомысленных и поверхностных Диффинов, а вкрадчивая осторожность представителей клана Оффо контрастировала с дерзкой опрометчивостью Клаттоков.

Вскоре после основания Араминты на территории станции устроили гостиницу для приезжих, аэропорт, больницу, школы и даже театр – так называемый Орфеум. Когда перестали поступать редкие субсидии из главного управления Общества натуралистов на Древней Земле, возникла острая необходимость в межпланетной валюте. Поселенцы разбили виноградники во внутренней части анклава и научились производить на экспорт благородные вина, а туристов приглашали останавливаться в любой из дюжины заповедных дач, так называемых «приютов», сооруженных в колоритных районах планеты. Приюты обслуживались так, чтобы исключалось какое бы то ни было воздействие на туземную окружающую среду.

Проходили века, и наличие некоторых проблем становилось все более очевидным. Каким образом всего лишь двести сорок человек могли обслуживать растущий конгломерат учреждений и предприятий? Потребовался компромисс. Прежде всего, «временным наемным работникам»² позволили занимать должности среднего уровня.

² Только сорок представителей каждого из кланов – Вуков, Оффо, Клаттоков, Диффинов, Лаверти и Ведеров – считались полноправными «работниками управления на Кадуоле». Прочие отпрыски кланов становились «временными наемными

Более или менее свободное истолкование Хартии позволяло не применять ограничение численности постоянных работников управления к детям, пенсионерам, домашней прислуге и «временным наемным работникам без права постоянного проживания». К категории «наемных работников» стали относить тех, кто занимался сельским хозяйством, персонал гостиниц и заповедных дач, механиков из аэропорта и, по сути дела, всех обитателей станции, выполнявших различные обязанности. Так как «наемники» официально не получали право на постоянное проживание, Консерватор смотрел на происходящее сквозь пальцы.

Станция Араминта постоянно нуждалась в доступной, дешевой и послушной рабочей силе. Простейшее решение напрашивалось само собой. Достаточно было воспользоваться услугами уроженцев атолла Лютвен, находившегося в пятистах километрах к северо-востоку от станции Араминта. Там прозябали йипы – потомки беглой прислуги, нелегальных иммигрантов, мелких преступников и прочего сброда, сначала селившихся на острове тайком, а впоследствии осмелевших и открыто бросающих вызов управлению.

Йипы восполнили дефицит рабочей силы, и теперь им выдавали действовавшие шесть месяцев разрешения, позволявшие им работать на станции Араминта. Консервационисты неохотно допускали такое положение вещей, но наотрез отказывались отступить от Хартии хотя бы еще на одну пядь.

работниками» (их называли ко-Вуками, ко-Лаверти, ко-Клаттоками и т. п.). В возрасте двадцати одного года такие «лишние люди» должны были покидать пансионы, где они родились и выросли, и добывать себе пропитание самостоятельно. Расставание всегда носило горестный, даже трагический характер: некоторые молодые люди яростно сопротивлялись изгнанию, изредка дело доходило до самоубийства. Обычай исключения лишних молодых людей из числа иждивенцев управления критиковали, называя его жестоким и бессердечным; особенно возмущались по этому поводу сторонники партии жизни, мира и освобождения (ЖМО) в Строне, но никакое истолкование Хартии не позволяло возместить изгнанникам их потерю или придумать какой-либо менее болезненный способ ограничения численности постоянного персонала – Хартия определяла станцию Араминта как административное управление Заповедника и научно-исследовательский институт, недвусмысленно запрещающая использовать территорию станции в качестве места жительства для посторонних.

V. Консерватор и натуралисты в Строне

В Прибрежной усадьбе, в полутора километрах к югу от управления, жил Консерватор, исполнительный суперинтендант станции Араминта. В соответствии с положениями Хартии, Консерватором мог быть только действующий член Общества натуралистов и уроженец Строны, небольшого поселения натуралистов на берегу Троя. Поскольку на Кадуоле земное Общество натуралистов превратилось в не более чем смутное воспоминание, ввиду отсутствия практически целесообразной альтернативы по меньшей мере это условие Хартии приходилось толковать шире, чем предполагалось ее авторами, и проживание в Строне как таковое стали считать эквивалентным членству в Обществе натуралистов.

Политическая фракция, пропагандировавшая «прогрессивную» идеологию и называвшая себя «партией жизни, мира и освобождения» (сокращенно – ЖМО), выступала в защиту прав островитян-йипов, условия существования которых, с точки зрения партийных активистов, были недопустимы и бросали тень на коллективную репутацию обитателей планеты. По их мнению, для решения этой проблемы необходимо было разрешить йипам селиться на побережье Дьюкаса. Другая фракция, так называемые «консервационисты», признавала наличие проблемы, но предлагала решение, не нарушавшее положения Хартии, а именно переселение всей популяции йипов на другую планету. «Несбыточные фантазии!» – отвечали «жмоты» (члены партии ЖМО) и принимались критиковать Хартию в еще более категорических выражениях. Они заявляли, что соблюдение древней Хартии как таковое – пережиток прошлого, противоречащий принципам гуманизма и «прогрессивного» мышления. По их словам, Хартия отчаянно нуждалась в пересмотре и внесении поправок – хотя бы потому, что это позволило бы облегчить участь йипов.

Возражая, консервационисты настаивали на непреложности Хартии и устоев Заповедника. Прибегая к самым язвительным оборотам речи, они обвиняли «жмотов» в лицемерном служении своекорыстным целям под видом правозащитной деятельности – «жмоты» стремятся поселить йипов на побережье Мармионовой земли, говорили они, чтобы создать прецедент, позволяющий нескольким «особо заслуженным» натуралистам (то есть, фактически, самым радикальным краснобаям-активистам ЖМО) застолбить поместья в районах Дьюкаса с приятным климатом и чудесными видами, где они катались бы как сыр в масле подобно древним лордам, нанимая йипов в качестве прислуги и сельскохозяйственных работников. Подобные обвинения вызывали у «жмотов» бешеные приступы ярости, в глазах циничных консервационистов лишь подтверждавшие справедливость их подозрений и существование тайных амбиций в стане их противников.

На станции Араминта «прогрессивную» идеологию не принимали всерьез. Местные жители сознавали реальность и злободневность проблемы йипов, но предложенное «жмотами» решение приходилось отвергнуть, так как любые официальные уступки стали бы юридически необратимым признанием присутствия йипов на Кадуоле, тогда как все усилия требовалось прилагать в противоположном направлении, подготавливая перемещение всей популяции йипов на другую планету, где их присутствие стало бы полезным и желательным.

Убеждение в справедливости такого подхода укрепилось, когда Юстес Чилке, управляющий аэропортом станции, обнаружил, что йипы давно и систематически расхищали склады аэропорта. Их привлекали главным образом запасные части автолетов станции, из которых со временем можно было собрать целые автолеты в Йиптоне. Кроме того, йипы крали инструменты, оружие, боеприпасы и аккумуляторы энергии – по-видимому, при попустительстве и содействии Намура ко-Клаттока, занимавшего в управлении Заповедника должность заведующего трудоустройством временных работников, каковое обстоятельство привело к кулачному бою Намура и Чилке. В ходе этой легендарной битвы Намур, урожденный Клатток, дрался

с характерной для Клаттоков безрассудной отвагой, тогда как Чилке методично применял навыки, усвоенные на задворках сомнительных заведений многих планет. Стратегия Чилке заключалась по существу в том, чтобы прижимать противника к стене и молотить его до тех пор, пока тот не упадет – что, в конечном счете, и случилось с Намуром.

Чилке родился в окрестностях города Айдола, в просторах Большой Прерии на Древней Земле. В детстве на Юстеса произвел сильное впечатление его дед, Флойд Суэйнер, коллекционировавший чучела животных, антикварные статуэтки и перламутровые безделушки, редкие книги и вообще все, что привлекало его внимание. Флойд Суэйнер подарил подраставшему внуку чудесный «Атлас миров», содержащий карты населенных людьми планет Ойкумены, в том числе Кадуола. «Атлас» возбудил в Юстесе такое желание увидеть своими глазами далекие планеты, что со временем он превратился в космического бродягу и мастера на все руки.

На станцию Араминта его привела окольная, но не случайная дорога. В один прекрасный день Чилке поведал молодому приятелю, Глоуэну, об обстоятельствах своего появления на станции: когда Юстес работал гидом экскурсионного автобуса в Семигорожье на планете Джона Престона, с ним повстречалась пышнотелая бледнолицая дама в высокой черной шляпе, четыре дня подряд участвовавшая в его утренних автобусных экскурсиях. В конце концов дама завязала с ним разговор, с похвалой отзываясь о его дружелюбных манерах.

«Никакого особенного дружелюбия я не проявлял, просто профессия обязывала меня вести себя предупредительно», – скромно пояснил Чилке.

Дама представилась как «мадам Зигони», пояснив, что она – вдова родом с Розалии, планеты в глубине Призмы Пегаса. Побеседовав несколько минут, она предложила Юстесу перекусить где-нибудь неподалеку. Чилке не нашел оснований отказать.

Мадам Зигони выбрала приличный ресторан, где подали превосходный ленч. За едой она попросила Чилке рассказать о его детстве в Большой Прерии и вообще поделиться сведениями о его семье и происхождении. Мало-помалу речь зашла о других вещах, разговор затянулся. Будто движимая внезапным порывом, мадам Зигони призналась Чилке, что не раз замечала за собой способность предчувствовать события, и что не придавать значения предупреждениям внутреннего голоса означало бы, с ее стороны, подвергать большому риску себя и свое состояние. «Вы, наверное, спрашиваете себя: почему я проявляю к вам такой интерес? – продолжала мадам Зигони. – Все очень просто. У меня есть ранчо, и я хотела бы назначить нового управляющего. Внутренний голос настойчиво подсказывает мне, что вы – именно тот человек, который мне нужен».

«Очень любопытно! – отозвался на ее откровение Чилке. – Надеюсь, внутренний голос не забыл напомнить вам о необходимости платить хорошее жалованье и предложить достаточные средства авансом?»

«Жалованье будет выплачиваться согласно действующим правилам по мере предоставления требуемых услуг».

Неопределенность ответа заставила Чилке нахмуриться. Мадам Зигони, женщина крупная, довольно безвкусно одетая, с маленькими узкими глазками, поблескивавшими на широком скулом лице цвета сухой замазки, несколько его не привлекала.

В конце концов обещания и настойчивость мадам Зигони преодолели сомнения Чилке, и он вступил в должность заведующего ранчо «Тенистая долина» на планете Розалия.

В обязанности Чилке входило повседневное руководство многочисленным персоналом ранчо, состоявшим почти исключительно из йипов, выполнявших сельскохозяйственные работы в счет задолженности за космический полет. Йипов привозил на Розалию подрядчик по найму рабочей силы; подрядчиком этим был Намур. Озабоченность Чилке обстоятельствами своего трудоустройства стала граничить с тревогой, когда мадам Зигони заявила о намерении выйти за него замуж. Чилке отказался от такой чести, в связи с чем разгневанная мадам Зигони уволила его, не позаботившись заплатить ему за услуги.

Намур нашел Чилке в поселке Ветляник на берегу Большой Грязной реки и предложил ему место управляющего аэропортом на станции Араминта. Оказавшись на Кадуоле, Чилке узнал, что предложение Намура далеко выходило за рамки его полномочий; тем не менее, Чилке сумел получить обещанную должность самостоятельно, продемонстрировав управлению Заповедника достаточную квалификацию. Бессвязный характер романтических отношений с мадам Зигони, внезапно потерявшей к нему всякий интерес, и необъяснимо своевременное содействие Намура оставались тайной, над разгадкой которой Чилке тщетно ломал голову. Тем временем, другие загадки нуждались в срочном разъяснении. Сколько автолетов удалось собрать заговорщикам, кто бы они ни были, из компонентов, похищенных йипами? Сколько автолетов им удалось приобрести иными способами? И где были спрятаны эти автолеты, если таковые существовали?

Начальник отдела расследований и охраны (отдела В) Бодвин Вук – лысый, смуглый и тощий коротышка, хлопотливый и проницательный, как вынюхивающий добычу хорек – был известен склонностью к желчным замечаниям и безразличием к условностям, диктовавшимся новомодными представлениями. Обнаружение краж, совершенных йипами, побудило его к незамедлительным действиям. В ходе полицейской облавы в Йиптоне были уничтожены два автолета и сборочно-ремонтный цех.

За первым зловещим открытием последовало второе: оказалось, что йипы, работавшие по найму на станции Араминта, вооружились до зубов, по-видимому намереваясь учинить массовое убийство служащих управления Заповедника.

Выдачу временных видов на жительство тут же отменили, а йипов выслали обратно на остров Лютвен. Намура вызвали на допрос, но он лишь пожимал плечами и отрицал какое-либо участие во всей этой истории. Никто не мог доказать обратное; кроме того, большинство обитателей станции Араминта неспособны были даже представить себе, что Намур, всеобщий друг и собутыльник, мог быть замешан в столь отвратительном заговоре. Со временем подозрения, никогда не исчезнувшие полностью, потеряли остроту. Намур продолжал выполнять повседневные обязанности, не обращая внимания на пересуды за спиной.

Намура невозможно отнести к какой-либо типичной категории людей. Сильный и хорошо сложенный, он отличался врожденной грацией и классически правильными чертами лица. Он умел шикарно одеваться и, казалось, был осведомлен обо всем, о чем стоило знать. Намур вел себя с располагающей к нему решительной простотой и сдержанностью, позволявшими догадываться о существовании страстной, но дисциплинированной натуры. Благодаря этим свойствам многие дамы находили его обезоруживающе привлекательным; действительно, в связи с Намуром упоминали целый ряд местных представительниц прекрасного пола, в том числе сестер Спанчетту и Симонетту, которых Намур, судя по всему, обслуживал параллельно в течение многих лет, к удовлетворению обеих.

Не все восхищались Намуром – особенно в отделе В. Критики считали его безжалостным оппортунистом. В конечном счете справедливость этой точки зрения подтвердилась, но прежде, чем Намуру успели предъявить обвинения в фактических преступлениях, он втихомолку покинул станцию Араминта – к бесконечному сожалению Бодвина Вука.

VI. Йипы и Йиптон

Типичного йипа ни в коем случае нельзя назвать уродливым или невзрачным. Напротив, с первого взгляда йип производит впечатление человека красивого и статного, с большими, яркими золотисто-кариими глазами, волосами и кожей того же золотистого оттенка, безукоризненными чертами лица и атлетическим телосложением. Девушки племени йипов знамениты по всей Пряди Мирцеи миловидностью, послушным и мягким нравом, а также абсолютным целомудрием в отсутствие надлежащей платы.

По причинам, не вполне поддающимся определению, совокупление йипов с большинством обитателей планет Ойкумены не приводило к появлению потомства. Некоторые биологи предполагали, что йипы мутировали настолько, что образовали новый вид человека; другие объясняли сложившуюся ситуацию составом диеты йипов, включавшей моллюсков, водившихся в илистых донных отложениях под Йиптоном. Они указывали на тот факт, что йипы, отрабатывавшие задолженность на других планетах, по прошествии некоторого времени приобретали нормальную способность к скрещиванию с людьми другого происхождения.

Йиптон давно превратился в своего рода аттракцион для туристов. Паромы, отчаливавшие от пристани станции Араминта, перевозили туристов в Йиптон, где они останавливались в пятиэтажном отеле «Аркадия», беспорядочно построенном исключительно из бамбуковых шестов и крытом пальмовыми листьями. На террасе отеля местные девушки подавали приезжим джин с сахаром и мускатными орехами, расслабляющие вечерние настойки и пальмовое вино, замутненное кокосовым молоком. Все эти напитки производились винокурами и пивоварнями непосредственно в Йиптоне из ингредиентов, о происхождении которых никто не затруднялся спрашивать. Туристические группы совершали экскурсии по шумным и зловонным, но неизъяснимо чарующим каналам Йиптона, посещая достойные внимания достопримечательности, такие, как Кальоро, женские бани и базар ремесленников. Прочие услуги, самого интимного свойства, охотно предлагались персоналом женского и мужского пола в «Кошачьем дворце», куда можно было пройти за пять минут из отеля «Аркадия» по лабиринту скрипучих бамбуковых переходов. Посетителей «Кошачьего дворца» обслуживали обходительно, даже угодливо, хотя предлагаемым удовольствиям не хватало непосредственности, и во всем чувствовалась осторожная методичность с примесью рассеянного безразличия. В Йиптоне ничто и никогда не делалось бесплатно. Здесь даже стоимость зубочистки, взятой с прилавка после обеда, не забывали включить в счет постояльца.

Помимо прибылей, извлекаемых за счет туризма, умфо, правитель йипов по имени Титус Помпо, получал долю дохода йипов, отрабатывавших долги на других планетах. В организации этого предприятия – и других предприятий гораздо более сомнительного характера – Титусу Помпо оказывал содействие Намур ко-Клатток.

VII. Строма

В первые годы после учреждения станции Араминта члены Общества натуралистов, нередко посещавшие Кадуол, останавливались в Прибрежной усадьбе, ожидая гостеприимства, как чего-то само собой разумеющегося. Порой Консерватору приходилось одновременно принимать две дюжины гостей, причем некоторые постояльцы продлевали свое пребывание в усадьбе на неопределенный срок, продолжая заниматься исследованиями или просто наслаждаясь новизной Кадуола и его природы.

В конце концов очередной Консерватор восстал и настоял на том, чтобы приезжие натуралисты селились в палаточном городке на берегу моря и сами готовили себе еду в котелках, разводя костры. На ежегодном конклаве Общества натуралистов на Земле было предложено несколько возможных решений возникшей проблемы, большинство из которых столкнулось с сопротивлением консервационистов, жаловавшихся на то, что Хартия мало-помалу теряла всякий смысл, будучи переполнена исключениями и оговорками, противоречащими ее основным положениям. Их оппоненты отвечали: «Все это очень хорошо. Но почему мы должны ютиться в грязных походных палатках, посещая Кадуол с тем, чтобы проводить запланированные исследования? Мы – не менее полноправные члены Общества, чем Консерватор и его подчиненные!»

После длительных споров и обсуждений Общество утвердило хитроумный план, подготовленный одним из самых радикальных консервационистов. Было решено учредить на Кадуоле второй анклав, гораздо меньше станции Араминта – но с тем условием, что он будет находиться там, где человеческое поселение никоим образом не повлияет на окружающую среду. В качестве места для поселения выбрали крутой, почти отвесный склон над фьордом Строма, вклинившимся в берега Троя – участок, смехотворно неподходящий для какого-либо строительства. Судя по всему, многие влиятельные участники конклава таким образом надеялись воспрепятствовать осуществлению нового проекта.

Вызов, однако, был принят, и на Кадуоле возникла Строма – причудливое скопление опирающихся на уступы скал черных и темно-коричневых домов, узких и высоких, с белыми, голубыми и красными дверными и оконными рамами. С другой стороны фьорда Строма выглядела как колония угловатых двусторчатых моллюсков, мертвой хваткой вцепившихся в содрогающийся от ударов прибоя утес.

Многие члены Общества натуралистов, побывавшие в Строме, находили условия жизни в этой колонии достаточно привлекательными и, под предлогом проведения долгосрочных исследований, сформировали ядро постоянного населения поселка, численность которого иногда достигала тысячи двухсот человек.

На Земле Общество натуралистов пало жертвой слабохарактерности руководства, казнокрадства со стороны очередного секретаря Общества, оказавшегося жуликом, и общей неспособности этой организации найти себе полезное применение. Заключительный конклав постановил, что все записи и документы Общества надлежит хранить в Центральном библиотечном архиве, и председатель в последний раз ударил в гонг, оповещая натуралистов о роспуске собрания.

На Кадуоле жители Стромы никак не отметили это событие, хотя с тех пор их доходы ограничивались прибылью от частных инопланетных капиталовложений. Хартия, как всегда, оставалась основным законом Кадуола, и работы на станции Араминта продолжались своим чередом.

VIII. Достойные внимания обитатели станции Араминта, Стромы и других мест

В пансионе Клаттоков сестры Спанчетта и Симонетта Клатток во многом походили одна на другую, хотя Спанчетта была практична и основательна, тогда как Симонетта – или «Смонни», как ее обычно называли – отличалась игривостью воображения и непоседливостью. Со временем обе сестры превратились в крупных, полногрудых молодых женщин с буйными копнами кудрявых волос и маленькими блестящими глазами, полузакрытыми тяжелыми веками. Обе вели себя вспыльчиво, высокомерно, повелительно и тщеславно; обе не стеснялись себя условностями и проявляли необузданную энергию. В юности сестры Спанни и Смонни были одержимы страстным влечением к Шарду Клаттоку, коего они бесстыдно пытались соблазнить, женить на себе или подчинить каким-либо иным образом. Увы, их поползновения оказались тщетными: Шард Клатток находил обеих сестер одинаково неприятными, если не отвратительными особами, и уклонялся от их назойливых заигрываний со всей возможной вежливостью, а в нескольких отчаянных ситуациях, когда вежливость могла быть неправильно истолкована, недвусмысленно и прямолинейно.

Шарда откомандировали проходить курс подготовки офицеров МСБР³ в Сарсенополисе на девятой планете системы Аль-Фекки. Там он встретился с Марьей Атэне – грациозной, очаровательной, умной и полной достоинства темноволосой девушкой. Они влюбились в друг друга, поженились в Сарсенополисе и в свое время вернулись на станцию Араминта.

Разбитые сердца Спанчетты и Смонни наполнились желчной яростью. С их точки зрения поступок Шарда знаменовал собой не только окончательный отказ, но и нечто гораздо более возмутительное – вызов, пренебрежение, непокорность! Им удалось рационализировать свое бешенство, когда Смонни, провалившую выпускные экзамены в лицее и в тем самым потерявшую статус полноправной служащей управления, выселили из пансиона Клаттоков примерно в то же время, когда в него вселилась Марья; вину за эту трагедию было легко возложить на Марью и Шарда.

Обиженная на весь мир, Смонни покинула станцию Араминта. Некоторое время она блуждала из одного конца Ойкумены в другой, затеяв и бросая различные предприятия. Со временем она вышла замуж за богача Титуса Зигони, владельца ранчо «Тенистая долина» – пятидесяти семи тысяч квадратных километров плодородной земли на планете Розалия – а также космической яхты «Мотыжник».

На ранчо не хватало рабочих рук, и Титус Зигони, по рекомендации Смонни, стал использовать бригады йипов, подписывавших долговые обязательства в обмен на перевозку и поселение на Розалии. Йипов поставлял на Розалию не кто иной, как Намур, делившийся прибылью с умфо Йиптона Калиактусом.

По приглашению Намура дряхлый Калиактус посетил ранчо «Тенистая долина» на Розалии, где был умерщвлен Симонеттой или Намуром – не исключено, что Симонеттой и Намуром сообща. Титуса Зигони, безобидного, ничем не примечательного человека, посадили на престол умфо, но фактически безграничную власть над йипами приобрела стоявшая за его спиной Смонни.

Прошедшие годы нисколько не притупили ненависть Симонетты к станции Араминта в целом и к Шарду Клаттоку в частности. Во сне и наяву она мечтала учинить какую-нибудь катастрофу, гибельную для управления Заповедника и отвергнувшего ее авансы наглеца.

³ МСБР (Межпланетная служба безопасности и расследований) – организация, нередко называемая важнейшим учреждением Ойкумены. Отдел В управления Заповедника на станции Араминта числился подразделением МСБР, а получившие достаточную квалификацию агенты отдела В становились, в принципе и на практике, агентами МСБР.

Тем временем Намур с завидным хладнокровием, достойным лучшего применения, вернулся к исполнению роли любовника обеих сестер одновременно.

Примерно тогда же у Шарда и Марьи родился сын, Глоуэн. Когда Глоуэну исполнилось два года, Марья поехала кататься на лодке и утонула в самых подозрительных обстоятельствах. Очевидцами несчастного случая были два йипа, Селиус и Кеттерлайн. Оба заявили, что не умеют плавать, а посему неспособны были чем-либо помочь утопающей; в любом случае, по их словам, спасение утопающих не входило в их обязанности. С тех пор Шард перестал радоваться жизни. Селиуса и Кеттерлайна допрашивали с пристрастием, но оба свидетеля не понимали, по-видимому, чего от них хотят, и впадали в тупое бессловесное оцепенение. В конечном счете Шард с отвращением отправил их восвояси, в Йиптон.

Глоуэн мало-помалу возмужал и достиг совершеннолетия в возрасте двадцати одного года. Подобно Шарду, он связал свою судьбу с отделом расследований. Глоуэн пошел по стопам отца и в других отношениях. И Шард, и Глоуэн, сухопарые и жилистые, узкие в бедрах и широкие в плечах, проявляли скорее быстроту реакции, нежели тяжелоатлетические способности. Так же, как у отца, у Глоуэна было худощавое лицо со слегка впалыми щеками, производившее впечатление мрачноватой жесткости; он коротко стриг густые темные волосы, а кожа его, хотя и загоревшая, еще не успела задубеть от солнца и ветра, как у Шарда. Оба двигались сдержанно и с первого взгляда производили впечатление людей, настроенных язвительно и скептически, хотя вовсе не были такими черствыми циниками, как могло показаться. На самом деле, когда Глоуэн вспоминал об отце, он представлял себе человека доброго, терпимого, безупречно храброго и неспособного лгать. Со своей стороны Шард, размышляя о сыне, не мог не чувствовать прилив гордости и нежности.

Из Стромы в Прибрежную усадьбу переселился нынешний консерватор, Эгон Тамм, с супругой Корой, сыном Майло и дочерью Уэйнесс. На станции дюжина молодых людей, в том числе Глоуэн Клатток, не замедлили влюбиться в Уэйнесс – тонкую темноволосую девушку с умным мечтательным лицом.

За ней уже и прежде ухаживал Джулиан Бохост, серьезный и весьма красноречивый активист партии ЖМО, также из Стромы. Его изящные манеры и звучный голос производили благоприятное впечатление на супругу консерватора, леди Кору. Она и многие ее знакомые не сомневались, что Джулиан станет влиятельным политическим деятелем. Кора Тамм обнадеживала Джулиана, в связи с чем Джулиан считал себя помолвленным с Уэйнесс, хотя сама Уэйнесс терпеливо объясняла, что у нее были другие намерения. Джулиан лишь улыбался, отказываясь выслушивать возражения, и продолжал строить планы на будущее так, как если бы его женитьба на Уэйнесс была делом решенным.

Тетка Джулиана, Клайти Вержанс, занимала выборную должность смотрительницы Заповедника в Строне и завоевала репутацию предводительницы «жмотов». Женщина крупная, напористая и целеустремленная, Клайти Вержанс пребывала в убеждении, что очевидная справедливость принципов ЖМО преодолет все препятствия и победит, несмотря на козни оппозиции, опирающейся на «заумное блеянье древних крючкотворов». «Хартия давно отжила свой век! Пора избавиться от этой белиберды и переписать законы с учетом современных представлений!» – заявляла смотрительница.

До сих пор активистам ЖМО не удалось провести ни одну из своих реформ, так как Хартия продолжала оставаться основным законом Кадуола, и «жмотам» не позволяли нарушать закон.

На очередном совещании партии ЖМО был предложен и утвержден хитроумный тактический ход. Рядом с заповедной дачей «Под Бредовой горой» мигрирующие орды банджей регулярно устраивали кровопролитные битвы, и «жмоты» решили положить им конец – независимо от того, будет ли нарушено таким образом экологическое равновесие. По мнению тео-

ретиков ЖМО, никакой человек в здравом уме не мог не поддержать такое гуманное вмешательство, даже если оно представляло собой потрясение основ Заповедника.

Выступая в качестве официального представителя Клайти Вержанс, Джулиан Бохост отправился в район Бредовой горы, чтобы познакомиться с фактическими условиями и предложить конкретные рекомендации. Он пригласил Майло и Уэйнесс составить ему компанию, а Уэйнесс устроила дело так, чтобы пилотом автолета, доставившего их на заповедную дачу, назначили Глоуэна Клаттока – к величайшему негодованию Джулиана, который терпеть не мог Глоуэна.

Поездка обернулась катастрофой. Уэйнесс наконец недвусмысленно заявила Джулиану, что он ее не интересует. На следующий день Майло погиб во время верховой прогулки. На проверку оказалось, что этот несчастный случай «организовали» три йипа-конюха, судя по всему подстрекаемые Джулианом – хотя последнее обстоятельство оставалось лишь догадкой.

Вернувшись на станцию Араминта, Уэйнесс сообщила Глоуэну о своем скором отъезде на Древнюю Землю, где она собиралась остановиться в доме родственника, Пири Тамма, одного из немногих оставшихся на Земле членов Общества натуралистов. Майло должен был сопровождать ее, но теперь, так как Майло погиб, Уэйнесс вынуждена была поведать Глоуэну важную и опасную тайну – на тот случай, если она тоже погибнет.

Во время предыдущей поездки на Землю Уэйнесс случайно обнаружила, что оригинальный экземпляр Хартии, вместе с договором о регистрации принадлежащей Обществу натуралистов недвижимости, а именно планеты Кадуол, пропал. Теперь она намеревалась найти потерянные документы прежде, чем их обнаружит кто-нибудь другой; были основания предполагать, что такими же поисками занимались другие неизвестные заинтересованные лица.

Потеряв брата, Уэйнесс отправилась в далекий путь одна. Глоуэн был бы рад сопровождать ее, но ему помешали служба в отделе В и отсутствие денег. Глоуэну не удалось отговорить подругу от опасного предприятия; ему оставалось только заверить Уэйнесс, что он присоединится к ней при первой возможности, а также рекомендовать ей предельную осторожность.

* * *

Флоресте ко-Лаверти, человек колоритный, изобретательный и эстетически одаренный, многие годы руководил на станции Араминта театральной труппой «Лицедеев», состоявшей главным образом из молодых людей, посещавших местный лицей. Флоресте умел поручать актерам-любителям роли, соответствовавшие их наклонностям и способностям, и вдохновлял их собственным энтузиазмом. Их представления пользовались успехом; труппа ежегодно совершала турне по городам планет Пряди Мирцеи и других, более далеких миров.

Заветной мечтой Флоресте было строительство величественного нового Орфеума взамен ветхого летнего театра со скрипучей сценой, где ему приходилось ставить свои спектакли. Все деньги, заработанные «Лицедеем», а также добровольные пожертвования, вносить которые настойчиво призывал Флоресте, поступали в «Фонд нового Орфеума».

Тем временем служащие отдела В раскрыли ряд отвратительных преступлений, совершавшихся на острове Турбен, затерянном в океане к юго-востоку от атоллы Лютвен. Зачинщики оргий на острове Турбен находились на другой планете. Расследование поручили Глоуэну, и он впервые покинул Кадуол. Вернувшись, Глоуэн привез доказательство того, что ответственность за организацию незаконных развлечений нес Флоресте, действовавший в сговоре с Намуром и Симонеттой. Намур успел потихоньку сбежать, прежде чем его обвинили в каких-либо правонарушениях; Симонетту, скрывавшуюся в Йиптоне, пока что не удавалось арестовать, но Флоресте приговорили к смертной казни.

Пока Глоуэн занимался розысками на других планетах, его отец, Шард, пропал без вести, совершая регулярный патрульный полет. Он не передал сигнал бедствия, и никаких следов аварии обнаружить не удалось. Глоуэн не верил тому, что его отец погиб, и осужденный на смерть Флоресте намекнул на обоснованность его подозрений. Флоресте обещал Глоуэну рассказать все, что знает, если Глоуэн гарантирует использование наследства Флоресте по назначению, а именно с целью финансирования строительства нового Орфеума. Глоуэн согласился заключить такой договор, и Флоресте составил завещание, согласно которому Глоуэн унаследовал его состояние.

Все свои денежные средства Флоресте хранил на счете в Мирцейском банке, в городе Соумджиана на Соуме, одной из ближайших к Кадуолу населенных планет. Для того, чтобы упростить их совместные финансовые операции, его сообщница Симонетта также содержала деньги на этом счете. Со временем Флоресте и Симонетта собирались разделить резервы наличных средств, но Смонни опоздала: после казни Флоресте все, что накопилось на его банковском счете, стало собственностью Глоуэна.

Перед смертью Флоресте передал Глоуэну письмо, в котором он сообщал все, что ему было известно о судьбе Шарда Клаттока.

Глоуэн только что вскрыл конверт с этим письмом и узнал из первых строк, что Шард, насколько было известно Флоресте, не погиб, а находился в заключении. Но где? Следовало внимательно прочесть до конца многословное послание покойного режиссера.

Глава 1

I

Сирена скрылась за горизонтом. Глоуэн Клатток, промокнувший до нитки и дрожащий от холода, отвернулся от бушевавшего в сумерках океана и побежал вверх по Приречной дороге. Добравшись до пансиона Клаттоков, он торопливо распахнул дверь главного входа и зашел в вестибюль, где, к своему огорчению, обнаружил Спанчетту Клатток, только что спустившуюся по роскошной парадной лестнице.

Спанчетта тут же остановилась, чтобы критически оценить костюм запыхавшегося Глоуэна. Сегодня вечером она задрапировала свой величественный торс в длинное платье, драматически расшитое полосами ярко-алой и черной тафты; плечи ее утепляла короткая черная блузка, а из-под платья выглядывали серебристые тапочки. Огромный тюрбан ее темных кудрей спиралью обвивала нитка черных жемчужин; в ушах висели длинные серьги с такими же черными жемчужинами. Окинув Глоуэна взглядом с головы до ног, Спанчетта отвела глаза, поджала губы и поспешила в трапезную.

Глоуэн поднялся в квартиру, где он проживал с отцом, Шардом Клаттоком. Сразу же сбросив мокрую одежду, он принял горячий душ и уже накинул сухую рубашку, когда прозвучал колокольчик телефона.

«Я вас слушаю!» – отозвался Глоуэн.

На экране появилось лицо Бодвина Вука. «Солнце давно зашло, – раздраженно напомнил начальник отдела В. – Надо полагать, ты прочел письмо Флоресте? Я ждал твоего звонка».

Глоуэн натянуто усмехнулся: «Успел прочесть первые две строчки. Судя по всему, отец еще жив».

«Рад слышать. Что тебя задержало?»

«Неприятная встреча на пляже. Дело кончилось потасовкой в прибое. Я выжил, Керди утонул».

Бодвин Вук сжал голову руками: «Не хочу больше ничего слышать! Это просто какой-то кошмар. А ведь он был Вук!»

«Так или иначе, я собирался вам позвонить».

Бодвин Вук глубоко вздохнул: «Мы опубликуем отчет о несчастном случае – Керди утонул. И забудем обо всей этой тошнотворной истории. Понятно?»

«Понятно».

«Не совсем ясно, почему ты вдруг решил прогуляться по пляжу один именно сегодня. Нападения следовало ожидать».

«Я ожидал его, директор. Именно поэтому я направился на пляж. Керди ненавидел океан, и я решил, что зрелище штормовых волн его остановит. В конце концов он умер той смертью, которой больше всего боялся».

Бодвин Вук хмыкнул: «Самонадеянное решение. Допустим, он устроил бы тебе засаду, застрелил бы тебя и уничтожил бы письмо Флоресте. Что тогда?»

«Это было бы не в характере Керди. Он хотел задушить меня собственными руками».

«Откуда следует, что в данном случае, когда ему уже нечего было терять, он не изменил бы своим привычкам?»

Глоуэн задумался и слегка пожал плечами: «В таком случае я заслужил бы ваш выговор».

Бодвин снова хмыкнул и поморщился. «Я суров и справедлив, но еще не дошел до того, чтобы делать выговоры мертвецам, – директор откинулся на спинку кресла. – Больше не будем об этом говорить. Принеси-ка это письмо ко мне в управление, и мы прочтем его вместе».

«Хорошо».

Глоуэн собрался было выйти из квартиры, но застыл, как только взялся за ручку двери. Пробыв в этой позе несколько секунд, он вернулся в боковую комнату, служившую чем-то вроде кладовой и канцелярии. Здесь он сделал копию письма Флоресте. Эту копию он аккуратно сложил и положил в ящик, а оригинальный экземпляр засунул в карман, после чего удалился.

Через десять минут Глоуэн прибыл в помещения отдела В на втором этаже нового здания управления Заповедника, и его немедленно провели в личный кабинет Бодвина Вука. Как всегда, директор восседал за столом в массивном, обтянутом черной кожей кресле. «Давай его сюда!» – протянул руку Бодвин. Глоуэн передал ему письмо. Бовин Вук махнул рукой: «Садись».

Глоуэн подчинился. Бодвин Вук вынул письмо из конверта и принялся читать его вслух однообразно-гнусавым тоном, совершенно не соответствовавшим экстравагантным оборотам и метким наблюдениям Флоресте.

Письмо, достаточно непоследовательное, содержало ряд многословных отступлений, разъяснявших философию автора. Формально выразив раскаяние по поводу своих прегрешений, в целом и в общем Флоресте пытался обосновать и оправдать эти прегрешения. «Могу заявить со всей определенностью: не вызывает сомнений тот факт, что я – один из редких людей, с полным правом претендующих на звание „сверхчеловека“, – писал Флоресте. – Подобного мне не встретишь на каждом углу! В моем случае общепринятые нравственные ограничения неприменимы. Они препятствуют воплощению в жизнь непревзойденных творческих замыслов. Увы! Как рыбе в аквариуме, плавающей среди других рыб, творцу нового и неповторимого приходится соблюдать правила, введенные подражателями и посредственностями, если он не хочет, чтобы ему безжалостно обглодали плавники!»

Флоресте признавал, что «поклонение искусству» подтолкнуло его к нарушению законов: «Не раз я шел напрямик вместо того, чтобы тратить драгоценное время и приближаться к достижению целей разрешенной извилистой дорогой. Мне устроили западню – и теперь мои плавники злорадно обглодают».

«Если бы мне довелось прожить свою жизнь заново, – рассуждал Флоресте, – конечно же, я вел бы себя гораздо осмотрительнее! Разумеется, некоторым удастся заслуживать аплодисменты так называемого „общества“, в то же время пренебрегая неприкосновенными догмами того же общества и даже презрительно насмехаясь над ними. В этом отношении „общество“ напоминает огромное раблепное животное: чем грубее ты с ним обращаешься, тем больше оно тебя обожает. Теперь, однако, слишком поздно сожалеть о том, что я обращался с „обществом“ слишком хорошо».

Флоресте перешел к обсуждению своих преступлений: «Нет весов, которые позволили бы точно определить тяжесть моих так называемых „правонарушений“ или убедиться в том, насколько нанесенный ими ущерб уравнивается их благотворными последствиями. Принесение в жертву нескольких жалких отпрысков рода человеческого, в противном случае осужденных на бессмысленное и тягостное существование, вполне может оправдываться осуществлением моей великой мечты».

Бодвин Вук прервался, переворачивая страницу.

«Надо полагать, жалкие отпрыски рода человеческого не согласились бы с точкой зрения Флоресте», – позволил себе заметить Глоуэн.

«Само собой, – отозвался Бодвин Вук. – По существу Флоресте выдвигает очень сомнительный постулат. Мы не можем позволить каждому собачьему парикмахеру, возмнившему себя „служителем искусства“, потворствовать мерзким жестокостям и убийствам „по велению муз“».

На следующей странице Флоресте уделит внимание Симонетте: она много рассказывала ему о том, как сложилась ее жизнь. В ярости покинув станцию Араминта, она странствовала по закоулкам Ойкумены, изобретательно добывая себе пропитание заключением и расторжением браков, сожительством, расчетливыми ссорами и примирениями, никогда не поступаясь своими интересами и не отступая перед рискованными приключениями. Примкнув к последователям мономантического культа, она познакомилась с Зайдиной Баббз, впоследствии возглавившей семинарию в качестве «ордины Заа», а также с беспощадной уродливой особой по имени Сибилла Девелла. Сговорившись и помогая одна другой, три подруги заняли высокое положение в иерархии культа и фактически подчинили себе всю секту.

Ритуалы и ограничения скоро опостытели Симонетте, и она покинула семинарию. Уже через месяц она повстречалась с Титусом Зигони – пухлым, низкорослым и бесхарактерным наследником большого состояния. Титусу принадлежали ранчо «Тенистая долина» на планете Розалия и роскошная космическая яхта со странным наименованием «Мотыжник». В глазах Смонни последнее обстоятельство оказалось неотразимо привлекательным, и она женила на себе Титуса Зигони прежде, чем тот успел сообразить, что происходит.

Через несколько лет Смонни побывала на Древней Земле, где случайно – или не случайно – познакомилась с неким Кельвином Килдьюком, занимавшим должность секретаря Общества натуралистов. Беседуя с Симонеттой, Килдьюк упомянул о казнокрадстве своего предшественника на посту секретаря Общества, Фронса Нисфита. Килдьюк подозревал, что в своей алчности Нисфит осмелился продать оригинальный экземпляр Хартии коллекционеру старинных документов. «Разумеется, теперь это не играет практически никакой роли, – поспешил добавить Килдьюк. – Управление Заповедника существует самостоятельно, и его существование, насколько мне известно, нисколько не зависит от наличия или отсутствия оригинала Хартии».

«Разумеется, – согласилась Смонни. – Естественно! Любопытно было бы узнать, с кем именно заключал сделки нечестивец Нисфит».

«Трудно сказать».

Расспрашивая торговцев антиквариатом, Симонетта нашла один из похищенных документов, входивший в коллекцию, приобретенную на аукционе неким Флойдом Суэйнером. Дополнительные розыски позволили установить адрес покупателя, но к тому времени Флойд Суэйнер уже давно умер. Соседи и родственники отзывались о его наследнике и внуке, Юстесе Чилке, как о непутевом разгильдяе, нигде не находившем пристанища и лишь время от времени присылавшем открытки то с одной, то с другой богом забытой планеты. Никто не имел представления о его местопребывании в настоящее время.

На Розалии, между тем, наблюдалась острая нехватка рабочей силы. Симонетта договорилась с Намуром о поставках йипов-переселенцев, вынужденных отрабатывать стоимость космического полета, и таким образом возобновила связь с Кадуолом.

Намур и Смонни придумали чудесный новый план. Умфо Йиптона, Калиактус, дряхлел и начинал впадать в детство. Намур уговорил его приехать на Розалию, чтобы пройти курс омолаживающего лечения. В усадьбе ранчо «Тенистая долина» старика Калиактуса отравили. На престоле умфо его заменил Титус Зигони, с тех пор величавший себя Титусом Помпо.

После длительных поисков нанятые Симонеттой детективы обнаружили, что Юстес Чилке работал гидом экскурсионного автобуса в Семигородье на планете Джона Престона. В кратчайшие возможные сроки Смонни познакомилась с Чилке и наняла его управляющим ранчо «Тенистая долина». Через некоторое время она решила выйти за него замуж, но Чилке вежливо отказался от такой чести. В приступе капризного раздражения Смонни уволила Чилке. В конечном счете Намур привез его на станцию Араминта.

«Смонни и Намур – удивительная пара, – писал Флоресте. – Ни тот, ни другая не знают, что такое угрызения совести, хотя Намур любит изображать из себя человека высококуль-

турного и на самом деле может быть приятным собеседником, которому известны многие, самые неожиданные вещи. Намур умеет подчинять свое тело приказам железной воли: подумать только! Он играл роль обходительного любовника и Спанчетты, и Симонетты, с апломбом предотвращая любые столкновения между сестрами. Я вынужден отдать ему должное – хотя бы потому, что никогда не встречал человека, столь отважного в обращении с женщинами.

Как мало времени мне осталось! Если бы мне суждено было жить, я поставил бы героический балет для трех танцоров в главных ролях Смонни, Спанчетты и Намура. С какой полной достоинства грацией они передвигались бы по сцене! Я уже ясно представляю себе хореографическое развитие: они кружатся, они подхватывают друг друга, они тянутся ввысь, они появляются и пропадают, вообразившие себя своевольными полубогами марионетки ужасной справедливости судьбы! В моей голове уже звучит музыка: мучительно-пикантная, жгучая до слез! А костюмы, костюмы! Феерическое представление! Поразительный танец! Три фигуры олицетворяют чуткое мировосприятие и самосознание. Я вижу их на сцене: они обходительно сходятся и расходятся, приближаются к зрителям и удаляются в полумрак, жеманничая и охорашиваясь, каждый в своей неповторимой манере. Чем все это кончится, каков будет финал?

Но все это пустая шутка! Зачем занимать мой бедный ум таким вопросом? Завтра утром уже некому будет поручить режиссуру балета».

И снова Бодвин Вук прервал чтение: «Пожалуй, нам следовало разрешить Флоресте поставить его последний спектакль! Он нашел поистине захватывающий сюжет».

«Я всегда скупаю на таких представлениях», – признался Глоуэн.

«Ты слишком молод или слишком практичен для того, чтобы стать ценителем балета. Флоресте буквально кипит любопытнейшими идеями».

«Его отступления утомительно многословны, даже если они имеют какое-то отношение к сути дела».

«А! Только не с точки зрения Флоресте! Перед нами его духовное завещание – он излагает сущность своего бытия. Эти строки – не случайный плод праздного легкомыслия; скорее их можно назвать стоном бесконечной скорби». Бодвин Вук вернулся к письму: «Буду читать все подряд. Надеюсь, рано или поздно он соизволит поделиться парой фактов».

Действительно, стиль Флоресте мало-помалу становился не столь выпендренным. Перед возвращением Глоуэна на станцию Араминта Флоресте посетил Йиптон, чтобы запланировать новую серию развлечений. На остров Турбен теперь возвращаться нельзя было – приходилось выбрать другое, более удобное место для организации оргий. Во время последовавшего совещания язык Титуса Помпо, усердно налегавшего на «пиратские» коктейли с ромом, развязался, и он проболтался о том, что Смонни свела наконец старые счета. Она захватила Шарда Клаттока, заключила его в тюрьму и конфисковала его автолет. Титус Помпо печально покачал головой: Шард дорого заплатит за высокомерное пренебрежение, причинившее Симонетте столько страданий! А конфискованный автолет частично компенсировал потерю летательных аппаратов, уничтоженных отделом В во время облавы. Опорожнив еще бокал, Титус Помпо заявил, что подобные конфискации будут продолжаться. Лиха беда начало!

«Посмотрим, посмотрим!» – пробормотал Бодвин Вук.

Шарда отвезли в самую необычную из тюрем, где все было наоборот, все было вверх ногами. Там заключенные могли совершать попытки побега в любое время, когда им заблагорассудится.

Бодвин Вук снова прервал чтение и нацедил себе и Глоуэну по кружке эля.

«Странная тюрьма! – заметил Глоуэн. – Где она может находиться?»

«Продолжим. Флоресте отличается некоторой рассеянностью, но подозреваю, что он не упустит эту немаловажную деталь».

Бодвин снова принялся читать. Флоресте на замедлил назвать местонахождение уникальной тюрьмы – потухший вулкан Шатторак в центре континента Эксе, древнюю сопку, воз-

вышавшуюся на семьсот метров над болотами и джунглями. Заключенных поместили в расчищенной полосе за частоколом, окружавшим вершину сопки и защищавшим тюремщиков. Склоны вулкана, за исключением самой вершины, покрывала буйная тропическая растительность. Для того, чтобы не стать добычей лесных хищников, пленники ночевали в шалашах на деревьях или сооружали свои собственные ограды. Мстительность Симонетты не позволяла убить Шарда сразу – его ожидала гораздо худшая участь.

Напившись до неспособности встать из-за стола, Титус Помпо поведал заплетающимся языком, что на склоне Шатторака замаскированы пять автолетов, а также большой запас оружия и боеприпасов. Время от времени, когда Симонетта желала покинуть Кадуол, космическая яхта Титуса приземлялась на площадке под вершиной Шатторака, приближаясь к вулкану на бреющем полете со стороны, противоположной радару станции Араминта. Титус Помпо был весьма удовлетворен приятным существованием в Йиптоне – к его услугам были неограниченный ассортимент деликатесов и всевозможных коктейлей, услуги лучших массажисток и отборные девушки атолла.

«Это все, что я знаю, – писал в заключение Флоресте. – Несмотря на мое плодотворное сотрудничество с населением станции Араминта, где я надеялся воздвигнуть себе незабываемый монумент, я считал, что мне следовало хранить в тайне сведения, полученные от пьяного Титуса Помпо – тем более, что все эти обстоятельства рано или поздно должны были стать общеизвестными без моего вмешательства. Возможно, я ошибался. Вам мои соображения могут показаться нелогичными и сентиментальными. Вы можете настаивать на том, что с моей стороны «правильно» было бы донести на моих сообщников, и что любые попытки избежать доноса или повременить с исполнением так называемого «общественного долга» безнравственны. Не стану с этим спорить, мне уже все равно.

Желая привести хоть какой-нибудь довод в свою пользу, я мог бы указать на тот факт, что я не вполне недостоин доверия. В меру своих возможностей я выполнил свои обязательства перед Намуром – чего он никогда не сделал бы для меня. Из всех человеческих существ он в наименьшей степени заслуживает снисхождения, причем его вина никак не меньше моей. И все же, всеми покинутый глупец, я сдержал свое обещание и дал ему время бежать. Надо полагать, Намур больше не потревожит станцию Араминта своими интригами – и хорошо, ибо Араминта дорога моему сердцу; здесь я мечтал построить мой центр исполнительских искусств, новый Орфеум! Воистину, я согрешил. Пусть же добро, совершенное от моего имени, возместит мои прегрешения.

Слишком поздно проливать слезы раскаяния. В любом случае, они не будут выглядеть убедительными и правдоподобными – даже в моих собственных глазах. И тем не менее, теперь, когда все уже сделано и сказано, я вижу, что умираю не из-за своей продажности, а по своей глупости. «Увы! Будь я умнее, все могло бы сложиться по-другому!» – самые горькие слова, какие может произнести человек.

Такова моя апология. Соглашайтесь с ней или нет – воля ваша. Меня одолевают усталость и великая печаль: я больше не могу писать».

II

Бодвин Вук осторожно положил письмо на стол: «Дальнейшее – молчание. Флоресте высказался начистоту. По меньшей мере, он умел изобретать изящные оправдания для неизящных поступков. Продолжим, однако. Возникла сложная ситуация, и мы должны внимательно продумать наши ответные меры. Да, Глоуэн? Ты хотел что-то сказать?»

«Мы должны немедленно атаковать Шатторак».

«Почему?»

«Чтобы освободить моего отца, почему еще?»

Бодвин Вук понимающе кивнул: «В пользу твоей концепции можно сказать, по крайней мере, что она проста и прямолинейна».

«Рад слышать. В чем же она неправильна?»

«Твоя реакция инстинктивна и порождена скорее эмоциями, характерными для Клаттоков, нежели хладнокровным интеллектом Вука». Глоуэн что-то прорычал себе под нос, но Бодвин и ухом не повел: «Позволю себе напомнить, что отдел В по существу – административное управление, вынужденное выполнять военизированные функции в отсутствие альтернатив. В лучшем случае мы могли бы мобилизовать две или три дюжины агентов – хорошо обученный, опытный, ценный персонал. А йипов сколько? Кто знает? Шестьдесят тысяч? Восемьдесят? Сто тысяч? В любом случае слишком много.

Поразмыслим. Флоресте упомянул о пяти автолетах под вершиной Шатторака – их больше, чем я ожидал. Мы можем отправить туда максимум семь-восемь автолетов, причем ни один из них нельзя назвать тяжело вооруженным. Не сомневаюсь, что Шатторак защищен наземными противовоздушными установками. В худшем случае мы можем понести потери, которые уничтожат отдел В, и уже на следующей неделе йипы налетят на побережье континента, как стая насекомых. А в лучшем случае? У Симонетты много шпионов, это необходимо учитывать. Может случиться так, что мы подготовим налет на Шатторак, высадим десант и не обнаружим ни тюрьмы, ни автолетов – ничего, кроме трупов заключенных. Ни Шарда, ни превосходства в воздухе – ничего. Полный провал».

Глоуэн все еще не мог смириться: «Не понимаю, как такой вариант можно назвать лучшим случаем».

«Исключительно в рамках твоего сценария».

«Так что же вы предлагаете?»

«Прежде всего, рассмотреть все возможности. Во-вторых, разведать обстановку. В-третьих, напасть, сохраняя наши намерения в строжайшей тайне до последнего момента». Бодвин включил экран на стене: «Вот, перед тобой Шатторак – с большого расстояния он кажется болотной кочкой. На самом деле вулкан возвышается на семьсот метров. К югу от него – большая река, Вертес». Изображение увеличилось; теперь можно было подробно рассмотреть вершину Шатторака – пустынное пространство в пологой эллиптической впадине, покрытое крупнозернистым серым песком и окруженное выступами черных скал. В центре поблескивала лужа купоросно-синей воды. «Площадь кальдеры – примерно четыре гектара, – пояснил Бодвин. – Этой фотографии лет сто по меньшей мере; не думаю, что с тех пор кто-нибудь производил съемки на Шаттораке».

«Похоже на то, что там жарко».

«Жарко, и еще как! Вот снимок, сделанный в другом ракурсе. Как можно видеть, вершину окружает полоса шириной метров двести. Там еще почти ничего не растет, кроме нескольких больших деревьев. Надо полагать, по ночам заключенные забираются на эти деревья. Ниже по склону начинаются джунгли. Если Флоресте правильно понял то, что слышал,

заключенных содержат в этой полосе за частоколом, окружающим вершину, и они могут в любое время пытаться бежать через джунгли и болота на свой страх и риск».

Глоуэн молча изучал изображение.

«Мы должны тщательно разведать обстановку на Шаттораке и только после этого начинать облаву, – заключил Бодвин Вук. – Ты согласен?»

«Да, – поджал губы Глоуэн. – Согласен».

Бодвин продолжал: «Меня озадачило то, что Флоресте сообщает по поводу Чилке. Возникает впечатление, что его устроили на станции Араминта только потому, что Симонетта пытается найти и прибрать к рукам Хартию заповедника. Меня тоже беспокоит Общество натуралистов на Древней Земле: почему они ничего не делают для того, чтобы найти потерянные документы?»

«Насколько я знаю, общество почти не существует, в нем осталось буквально несколько человек».

«И этих людей нисколько не интересует судьба Заповедника? Трудно поверить! Кто нынче секретарь Общества?»

Глоуэн осторожно выбирал слова: «По-моему, он двоюродный или троюродный брат консерватора, по имени Пири Тамм».

«Надо же! И дочь Таммов улетела на Землю?»

«Улетела».

«Вот как! Поскольку... как ее звали?»

«Уэйнесс».

«Да-да. Поскольку Уэйнесс находится на Древней Земле, может быть, она могла бы оказать нам содействие в поиске документов, пропавших из архивов Общества. Напиши ей и предложи ей навести справки. Подчеркни, что ей не следует привлекать к себе внимание, и что никто не должен знать о цели ее розысков. По сути дела, я начинаю думать, что этот вопрос может приобрести большое значение».

Глоуэн задумчиво кивнул: «На самом деле Уэйнесс уже наводит справки по этому вопросу».

«Ага! И что ей удалось узнать, если не секрет?»

«Не могу сказать. Я еще не получал от нее никаких писем».

Бодвин Вук поднял брови: «Она тебе не писала?»

«Уверен, что писала. Но я не получил ни одного письма».

«Странно. Наверное, привратник пансиона Клаттоков запихнул ее почту куда-нибудь в старое ведро для льда».

«Возможно. Хотя я начинаю подозревать другую персону. Так или иначе, как только мы справимся с проблемой на Шаттораке, я думаю, мне следует посоветоваться с Чилке и отправиться на Землю, чтобы откопать эти документы».

«Гм, да... – Бодвин Вук прокашлялся. – Прежде всего Шатторак, однако. В свое время мы еще обсудим этот вопрос». Бодвин поднял со стола письмо Флоресте: «А это останется у меня».

Глоуэн не стал возражать и покинул новое здание управления. Решительным шагом вернувшись в пансион Клаттоков, он распахнул дверь парадного входа. Сбоку от вестибюля находились две небольшие комнаты, где проживал Аларион ко-Клатток, главный привратник. Из открытой прихожей своей квартиры он мог, по мере надобности, наблюдать за всеми входящими и выходящими. В обязанности Алариона входило получение почты, в том числе сортировка посылок, писем и записок, оставленных одними обитателями пансиона другим, и их доставка в соответствующие квартиры.

Глоуэн прикоснулся к кнопке звонка, и в прихожую из внутренней комнаты вышел Аларион – худосочный согбенный субъект преклонного возраста, единственной выдающейся

чертой которого была седая бородка клинышком: «Добрый вечер, Глоуэн! Чем я могу тебе помочь?»

«Вы могли бы объяснить мне загадку, связанную с некоторыми письмами, которые должны были приходиться на мой адрес с Древней Земли».

«Могу сообщить только то, что мне известно совершенно определенно, – отвечал Аларион. – Ты же не хочешь, чтобы я вдохновенно врал о сказочных письменах, гравированных на золотых скрижалях и ниспосланных крылатым архангелом Сарсимантесом?»

«То есть никаких писем с других планет для меня не было?»

Аларион взглянул через плечо на стол, где он сортировал почту: «Нет, Глоуэн, ничего такого».

«Как вам известно, меня не было на станции несколько месяцев. В это время я должен был получить несколько писем с другой планеты, но не могу их найти. Вы не помните никаких писем, доставленных в мое отсутствие?» – упорствовал Глоуэн.

Аларион задумчиво погладил козлиную бородку: «Кажется, тебе приходили письма. Я относил их в твою квартиру – даже после того, как Шард потерпел аварию. Как всегда, я опускал их в прорезь почтового ящика на двери. Но какое-то время ваши комнаты занимал Арлес, и он, естественно, получал вашу почту. Надо полагать, он просто отложил твои письма куда-нибудь».

«Надо полагать, – кивнул Глоуэн. – Спасибо, это все, что я хотел знать».

Глоуэн внезапно почувствовал острый приступ голода – что было неудивительно, так как он ничего не ел с самого утра. В трапезной он наспех соорудил себе ужин из черного хлеба, вареных бобов и огурцов, после чего поднялся к себе в квартиру. Усевшись перед телефоном, он пробежался пальцами по клавишам, но в ответ услышал бесстрастное официальное предупреждение: «Вы набрали номер абонента, доступ к которому предоставляется только уполномоченным лицам».

«Говорит капитан Глоуэн Клатток из отдела В. Мои полномочия вполне достаточны».

«К сожалению, капитан Клатток, вашего имени нет в списке уполномоченных лиц».

«Так внесите мое имя в этот список! Если потребуется, получите разрешение Бодвина Вука».

Наступило молчание. Через некоторое время бесстрастный голос прозвучал снова: «Ваше имя внесено в список. С кем вы хотели бы связаться?»

«С Арлесом Клаттоком».

Прошло еще пять минут, и на экране появилась одутловатая физиономия Арлеса, с надеждой ожидавшего соединения. Увидев Глоуэна, однако, Арлес сразу нахмурился: «А тебе что нужно? Я думал, случилось что-нибудь важное. Здесь и без тебя достаточно паршиво».

«Для тебя все может стать гораздо паршивее, Арлес – в зависимости от того, что случилось с моей почтой».

«С твоей почтой?»

«Да, с моей почтой. Ее доставляли в мою квартиру, и теперь ее нет. Что с ней случилось?»

Пытаясь сосредоточиться на неожиданной проблеме, Арлес раздраженно повысил голос: «Не помню я никакой почты. Приходила всякая никому не нужная дрянь. Когда мы вселились, квартира напоминала помойку».

Глоуэн безжалостно рассмеялся: «Если ты выбросил мою почту, тебе придется потеть на каменоломне гораздо дольше, чем восемьдесят пять дней! Подумай хорошенько, Арлес».

«Ни к чему со мной так разговаривать! Если и была какая-нибудь почта, я, наверное, сложил ее вместе с другими вещами в одну из коробок».

«Я просмотрел все коробки и не нашел никаких писем. Почему? Потому что ты их открывал и читал».

«Чепуха! Не нарочно, в любом случае! Если я видел письмо, адресованное Клаттоку, то, естественно, мог автоматически просмотреть его».

«И что ты с ним делал после этого?»

«Я же сказал: не помню!»

«Ты отдавал мои письма своей матери?»

Арлес облизнул губы: «Она могла их подбирать, чтобы сложить куда-нибудь».

«Она читала их у тебя на глазах!»

«Я этого не говорил. В любом случае, ничего такого не помню. Я не слежу за своей матерью. Это все, что ты хотел сказать?»

«Не совсем. Но мы продолжим нашу беседу, когда я узнаю, что случилось с письмами», – Глоуэн выключил телефон.

Несколько минут Глоуэн стоял посреди комнаты, мрачно размышляя. Затем он переоделся в официальную форму агента отдела В и направился по коридору к квартире Спанчетты.

На звонок ответила горничная. Она провела Глоуэна в приемную – восьмиугольное помещение с обитой зеленым шелком восьмиугольной софой в центре. В четырех нишах стояли ярко-красные вазы из киновари с пышными букетами пурпурных лилий.

Спанчетта вышла в приемную. Сегодня на ней было длинное матово-черное платье, не украшенное ничем, кроме серебряного бутона. Шлейф Спанчетты волочился по полу, свободные длинные рукава скрывали ее предплечья и руки, а прическа возвышалась над теменем поразительной пирамидальной грудой черных кудрей с локоть высотой. Спанчетта отбеливала кожу, удаляя любые признаки смуглости. Секунд пять она стояла в дверном проеме, уставившись на Глоуэна глазами, блестящими, как осколки черного стекла, после чего внушительно приблизилась: «Зачем ты сюда явился, весь в погонах и нашивках, как оловянный солдатик?»

«Я в униформе, потому что пришел по делу, связанному с официальным расследованием».

Спанчетта издевательски рассмеялась: «И в чем еще меня обвиняют?»

«Я хотел бы допросить вас по поводу незаконного просмотра и присвоения почтовых отправлений – а именно почты, приходившей по моему адресу в мое отсутствие».

Спанчетта отмахнулась презрительным жестом: «Какое мне дело до твоей почты?»

«Я связался с Арлесом. Если вы сейчас же не вернете мне письма, я прикажу немедленно произвести обыск в вашей квартире. В таком случае, независимо от того, будут ли найдены письма, вам будут предъявлены уголовные обвинения, так как Арлес засвидетельствовал передачу моей почты в ваше распоряжение».

Спанчетта поразмышляла, после чего повернулась и направилась туда, откуда вышла. Глоуэн следовал за ней, не отставая ни на шаг. Спанчетта резко остановилась и обронила через плечо: «Это вторжение в частное место жительства, то есть серьезное правонарушение!»

«Только не в сложившихся обстоятельствах. Я хочу видеть, где именно вы хранили письма. Кроме того, я не желаю томиться целый час у вас в гостиной, пока вы занимаетесь своими делами».

Спанчетта выдавила злобную усмешку и отвернулась. В коридоре она остановилась у высокого секретера. Открыв один из ящиков, она вынула тонкую пачку писем, перевязанную резинкой: «Вот твоя почта. Я про нее просто-напросто забыла».

Глоуэн просмотрел четыре конверта – все они были вскрыты. Спанчетта наблюдала за ним, не высказывая никаких замечаний.

Глоуэн не мог найти слов, надлежащим образом выразивших возмущение. Глубоко вздохнув, он сказал: «На этом дело не кончится – вы от меня еще услышите».

Спанчетта отозвалась оскорбительным молчанием. Глоуэн повернулся на каблуках и удалился, опасаясь, что не выдержит и скажет или сделает что-нибудь, о чем пожалеет впослед-

ствии. Горничная вежливо открыла перед ним выходную дверь. Глоуэн с облегчением поспешил выйти в коридор.

III

Вернувшись к себе, Глоуэн стоял посреди гостиной, кипя от бешенства. Поведение Спанчетты не только выходило за всякие рамки приличий, оно было просто неопишимо! И, как всегда после того, как Спанчетта наносила одно из своих знаменитых оскорблений, невозможно было найти разумный способ ответить, не унижая свое достоинство. Снова и снова про нее говорили: «Бесподобная Спанчетта! Она – как стихийное бедствие, с ней невозможно справиться! Остается только ждать и надеяться, что вихрь пройдет стороной».

Глоуэн взглянул на сжатую в руке пачку конвертов. Все они были вскрыты, а затем небрежно перевязаны резинкой с показным невниманием к его чувствам; возникало ощущение, что письма осквернили, изнасиловали! Но он ничего не мог с этим сделать, потому что письма не были ни в чем виноваты, их нельзя было выбросить. Приходилось смириться с унижением.

«Нужно смотреть на вещи с практической точки зрения», – сказал себе Глоуэн. Бросившись на диван, он изучил каждое из писем по отдельности.

Первое было отправлено из зала ожидания космопорта на четвертой планете системы Андромеда-6011, где Уэйнесс должна была пересесть на пассажирский лайнер агентства, доставлявшего туристов на Древнюю Землю. Второе и третье письма Уэйнесс отправила из Иссенжа, сельского пригорода Шиллави на Земле. Четвертое было проштемпелевано в почтовом отделении поселка Тзем в районе Драцен.

Глоуэн быстро пробежал глазами все письма, одно за другим, после чего прочел их еще раз, не спеша и более внимательно. В первом письме Уэйнесс рассказывала о полете вдоль Пряди Мирцеи до Голубого Маяка, космического порта на четвертой планете звезды Андромеда-6011. Во втором письме Уэйнесс объявляла о прибытии на Древнюю Землю. Пири Тамм принял ее в своем причудливом старом доме близ Иссенжа. С тех пор, как она побывала там впервые, немного изменилось, и она чувствовала себя почти как дома. Пири Тамм, чрезвычайно опечаленный вестью о гибели Майло, выразил глубокое беспокойство по поводу положения дел на Кадуоле. «Дядюшка Пири стал секретарем Общества в какой-то степени против своей воли. Ему не нравится обсуждать дела Общества со мной, причем он, наверное, считает, что я слишком любопытна и даже назойлива. Всем своим видом он будто спрашивает: почему бы я, в моем возрасте, так настойчиво интересовалась какими-то пыльными документами? Временами он реагирует на мои вопросы почти раздраженно, и мне приходится вести себя осмотрительно. Возникает впечатление, что он предпочел бы забыть обо всей этой проблеме, надеясь, что она исчезнет сама собой, если он сделает вид, что она не существует. Боюсь, что к старости у дядюшки Пири начинает портиться характер».

Осмотрительно выбирая выражения, Уэйнесс поведала о своих «розысках» и о всевозможных препятствиях, то и дело возникавших у нее на пути. Некоторые обстоятельства она находила не только загадочными, но и пугающими – тем более, что она не могла их точно определить или убедить себя в действительности их существования. Явно находясь в пасмурном настроении, Уэйнесс писала, что Древняя Земля во многих отношениях казалась свежей, приятной и невинной – такой же, какой она была, наверное, в незапамятную эпоху молодости человечества, но время от времени в ней чувствовалось что-то темное, промозгло-гниловатое, окутанное тягостными тайнами. По многим причинам Уэйнесс от всей души приветствовала бы возможность оказаться в компании Глоуэна.

«Не беспокойся! – воскликнул Глоуэн, обращаясь к письму. – Я приеду, как только меня отпустят!»

В третьем письме Уэйнесс выражала тревогу по поводу того, что Глоуэн не отвечает. Еще осторожнее, чем раньше, она намекнула, что «розыски» могли завести ее в места, весьма

удаленные от усадьбы дядюшки Пири. «Странные происшествия, о которых я упоминала раньше, – писала она, – продолжают. Я почти уверена, что... нет, лучше об этом не говорить. Об этом лучше даже не думать».

Глоуэн поморщился: «Что происходит? Я же просил тебя не рисковать! По крайней мере, пока я не приехал».

Четвертое письмо, самое короткое, было самым отчаянным, и только почтовый штемпель свидетельствовал о том, что Уэйнесс находилась в окрестностях Драцен, в районе под наименованием Мохолек: «Я больше не буду писать, пока не получу твой ответ! Либо мои, либо твои письма кто-то перехватывает. Или, может быть, с тобой случилось что-то ужасное!» Она не указала обратный адрес: «Завтра я уезжаю отсюда, хотя еще не совсем уверена, куда именно. Как только ситуация выяснится, я свяжусь с отцом, и он даст тебе знать. Не хочу писать ничего определенного – боюсь, что мои письма попадут в руки людей, не замысляющих ничего хорошего».

«Это уж точно, Спанчетта не замышляет ничего хорошего», – подумал Глоуэн. Письма не содержали никаких ссылок на конкретные цели «розысков» Уэйнесс, но даже ее осторожные намеки могли заинтриговать особу с таким складом ума, как у Спанчетты.

Уэйнесс упомянула один раз о Хартии, но только в связи с почти не существующим Обществом натуралистов. По мнению Глоуэна, эта ссылка была вполне безопасна. Уэйнесс с огорчением отзывалась о разочаровании Пири Тамма в самой идее консервационизма. По его мнению, время этой концепции прошло – по меньшей мере на Кадуоле, где поколения натуралистов, вынужденных приспосабливаться к обстоятельствам из практических соображений, создали существующую теперь, полную неразрешимых противоречий ситуацию. «Дядюшка считает, что консервационисты на Кадуоле должны защищать Хартию своими силами, так как у нынешнего Общества натуралистов нет ни возможности, ни желания оказывать им содействие. Я слышала, как он заявил, что Заповедник по своей природе мог быть только переходным этапом в истории развития такого мира, как Кадуол. Я пыталась с ним спорить, указывая на то, что нет никаких predetermined причин, по которым рационально мыслящее правительство, руководствующееся Хартией как основным законом, пользующимся всеобщим уважением, не могло бы поддерживать существование Заповедника вечно, и что сегодняшние проблемы возникли на Кадуоле, в конечном счете, в результате лени и жадности бывшего руководства, желавшего иметь под рукой обильный источник дешевой рабочей силы и поэтому позволившего йипам оставаться на атолле Лютвен в нарушение важнейших принципов Хартии. Нашему поколению приходится, наконец, расплачиваться за грехи предков и решать унаследованные от них проблемы. Решать – каким образом? Совершенно ясно, что йипов необходимо переселить с Кадуола на не менее пригодную для обитания или даже более благоустроенную планету – трудный, неприятный и дорогостоящий процесс, в настоящее время выходящий за рамки наших возможностей. Дядюшка Пири, однако, пропускает мои доводы мимо ушей, как будто мои вполне логичные доводы – лепет наивного младенца. Бедный дядюшка Пири! Как я хотела бы, чтобы он хоть немного развеселился! А больше всего я хотела бы, чтобы ты был здесь, со мной».

Глоуэн позвонил в Прибрежную усадьбу; на экране появилось лицо Эгона Тамма.

«Это Глоуэн Клатток. Я только что прочел письма Уэйнесс, отправленные с Земли. Спанчетта перехватывала их и прятала. Она не хотела мне их отдавать».

Эгон Тамм недоуменно покачал головой: «Невероятная женщина! Зачем ей это понадобилось?»

«Она презирает и ненавидит все, что связано со мной и с моим отцом».

«И тем не менее – такие поступки граничат с помешательством! С каждым днем становится все больше загадок. Уэйнесс приводит меня в замешательство, ее поведение не поддается пониманию. Она отказывается со мной откровенничать на том основании, что я,

видите ли, не смогу с чистой совестью держать язык за зубами». Эгон Тамм испытующе взглянул на Глоуэна: «А как насчет тебя? Уверен, что тебе-то она хотя бы намекнула о своих намерениях!»

Глоуэн уклонился от прямого ответа: «У меня нет ни малейшего представления о том, где она находится и что она делает. От меня она не получала никаких писем – по вполне понятным причинам – и больше не хочет ничего писать, пока я не отвечу».

«В последнее время я тоже ничего от нее не слышал. В любом случае, она мне ничего не рассказывает. Тем не менее, у меня такое впечатление, что какое-то влияние, какая-то необходимость заставляют ее браться за дело, которое на самом деле ее пугает. Она слишком молода и неопытна, чтобы самостоятельно выбраться из серьезной переделки. Мне все это очень не нравится».

«У меня примерно такое же впечатление», – подавленно отозвался Глоуэн.

«Почему она секретничает?»

«По-видимому, она раздобыла какую-то информацию, широкое распространение которой могло бы нанести большой ущерб. Если бы я мог взять на себя такую смелость и предложить вам один совет...»

«Советуй сколько угодно! Я слушаю».

«Насколько я понимаю, лучше всего было бы, если бы никто из нас не обсуждал при посторонних то, чем сейчас занимается Уэйнесс».

«Любопытная идея. Не совсем для меня понятная. Тем не менее, я последую твоей рекомендации, хотя больше всего хотел бы знать, какая муха укусила мою дочь и заставила ее мчаться сломя голову к черту на рога! Невозможно отрицать, что у нас много проблем, но все они сосредоточены здесь, на Кадуоле».

Глоуэн чувствовал себя очень неудобно: «Очевидно, она руководствуется самыми серьезными соображениями».

«Несомненно! Может быть, в следующем письме она соблаговолит что-нибудь объяснить».

«И укажет свой адрес, я надеюсь. Кстати о письмах: Бодвин Вук, надо полагать, сообщил вам о завещании Флоресте?»

«Он пересказал его содержание в общих чертах и порекомендовал мне внимательно прочесть этот документ. По сути дела... Позволь мне объяснить, как обстоят дела в Прибрежной усадьбе. Ежегодно я обязан подвергаться пренеприятнейшей процедуре проверки всех моих распоряжений, счетов и так далее. Инспекцию проводят два смотрителя. В этом году инспекторами назначили Уайлдера Фергюса и Клайти Вержанс – ты ее, наверное, помнишь. Ее племянник, Джулиан Бохост, тоже у нас в гостях».

«Прекрасно их помню».

«Незабываемые люди. У нас гостят еще два диковинных посетителя – диковинных в том смысле, что такие люди редко навещают станцию Араминта: Левин Бардьюс и сопровождающая его примечательная во многих отношениях особа, предпочитающая называть себя „Флиц“».

«Флиц?»

«Именно так. Левин Бардьюс – богач, и может позволить себе такие странности. Я практически ничего о нем не знаю, кроме того, что он, по-видимому, приятель Клайти Вержанс».

«Смотрительница Вержанс по-прежнему в своем амплуа?»

«Пуще прежнего! Она провозглашает Титуса Помпо чуть ли не народным героем – благородным, бескорыстным революционером, защитником всех угнетенных».

«Она не шутит?»

«Ни в малейшей степени».

Глоуэн задумчиво улыбнулся: «Флоресте упомянул некоторые подробности, свидетельствующие о характере и образе жизни Титуса Помпо».

«Я хотел бы познакомить моих гостей с этими подробностями. Было бы неплохо, если бы завтра ты зашел к нам пообедать и прочел завешание Флоресте вслух».

«Не премину это сделать».

«Прекрасно! Значит, до завтра. Приходи чуть раньше полудня».

IV

Наутро Глоуэн позвонил в аэропорт, и его соединили с Чилке.

«Доброе утро, Глоуэн! – приветствовал его Чилке. – Что-нибудь случилось?»

«Хотел бы поговорить с глазу на глаз, если у тебя есть время».

«Времени никогда нет, так что я всегда к твоим услугам».

«Увидимся через несколько минут».

По прибытии в аэропорт Глоуэн направился к стеклянной пристройке ангара, где находилась контора. Там его ожидал Чилке – непоколебимо беспечный ветеран тысяч невероятных проделок и рискованных авантур, многие из которых действительно имели место. Плотный широкоплечий человек среднего роста с грубоватым морщинистым лицом, Чилке мало беспокоился о прическе и часто взъерошивал пятерней свои пыльно-серые кудри.

Чилке стоял у стола, наполняя кружку чаем. «Садись, Глоуэн, – сказал он через плечо. – Чаю?»

«Если можно».

Чилке налил вторую кружку: «Настоящий гималайский с Древней Земли, а не какие-нибудь тебе сушеные водоросли!» Чилке уселся: «Что привело тебя сюда в такую рань?»

Глоуэн смотрел через стеклянную перегородку на механиков, работавших в ангаре: «Нас никто не подслушивает?»

«Не думаю. Как видишь, никто не прижимается ухом к двери – в этом преимущество стеклянных стен. Любое необычное поведение сразу заметно».

«Как насчет микрофонов?»

Повернувшись на стуле, Чилке нажал несколько кнопок и повернул ручку громкоговорителя; из него вырвалась лавина дикой воющей музыки: «Этого достаточно, чтобы заглушить любой разговор, если ты не собираешься петь, как оперный тенор. В чем причина такой секретности?»

«Вот копия письма Флоресте – он приготовил его для меня вчера вечером. В письме говорится, что мой отец еще жив. Флоресте упоминает и о тебе». Глоуэн передал письмо Чилке: «Прочти».

Чилке взял письмо и откинулся на спинку стула. Дочитав примерно до половины, он поднял голову: «Просто поразительно! Смонни все еще воображает, что я где-то припрятал грудку сокровищ, унаследованных от деда Суэйнера!»

«Поразительно – в том случае, если сокровищ нет. Ты не унаследовал ничего ценного?»

«Не думаю».

«Ты никогда не делал подробную опись имущества?»

Чилке покачал головой: «Зачем стараться? Какое там наследство? Сарай, набитый хламом! Смонни это знает не хуже меня, она там рылась четыре раза. Каждый раз приходилось покупать новый замок».

«Ты уверен, что сарай взломала именно Симонетта?»

«А кто еще? Только она интересовалась этой дребеденью. Почему она не может взять себя в руки? Мне не доставляет никакого удовольствия служить предметом ее обожания, алчности или гнева – какими бы ни были ее побуждения». Чилке вернулся к чтению письма. Закончив, он поразмышлял немного и перебрал письмо Глоуэну: «А теперь ты хочешь срочно заняться спасением Шарда».

«Нечто в этом роде».

«И Бодвин Вук поддерживает тебя в этом стремлении?»

«Сомневаюсь. На мой взгляд, он слишком осторожен».

«Для осторожности есть основания».

Глоуэн пожал плечами: «Бодвин убежден в том, что Шатторак хорошо защищен, и что в результате воздушной облавы мы потеряем пять или шесть автолетов и половину персонала».

«И ты называешь это излишней осторожностью? По-моему, он руководствуется здравым смыслом».

«Не обязательно нападать на них с воздуха. Мы могли бы высадить десант где-нибудь на склоне вулкана и атаковать со стороны. Но Бодвин видит в этом какие-то проблемы».

«Я тоже вижу, – возразил Чилке. – Где приземлятся наши автолеты? В джунглях?»

«Должны же там быть какие-то открытые участки!»

«Все может быть. Прежде всего придется переоборудовать шасси всех автолетов – что не преминут заметить шпионы. Кроме того, Симонетте донесут, как только мы вылетим, и нас будут ждать пятьсот вооруженных йипов».

«Я думал, ты уже избавился от йипов».

Чилке развел руками, изображая беспомощность и оскорбленную невинность: «В аэропорте острая нехватка рабочих рук. Я делаю все, что могу. Прекрасно знаю, что у меня водятся шпионы – так же, как собака знает, что у нее блохи. Я даже знаю, кто они. Вот, полюбуясь на главного подозреваемого, он чинит дверь аэробуса – великолепный экземпляр по имени Бенджами».

Взглянув в сторону аэробуса, Глоуэн заметил высокого молодого человека безукоризненно атлетического телосложения с идеально правильными чертами лица, аккуратной темной шевелюрой и золотисто-бронзовой кожей. Понаблюдав за ним, Глоуэн спросил: «Почему ты думаешь, что он шпион?»

«Он прилежно работает, выполняет все указания, улыбается больше обычного и постоянно следит за тем, что делается вокруг. Этим отличаются все шпионы – они работают старательнее других, не причиняя почти никаких неприятностей. Если не считать того, что они могут в любой момент всадить тебе нож в спину. Будь я отъявленным циником, я нанимал бы на работу одних шпионов».

Глоуэн продолжал наблюдать за механиком: «Он не выглядит, как типичный соглядатай».

«Пожалуй. Но еще меньше он похож на типичного наемного работника. Я всегда нутром чувствовал, что именно Бенджами устроил аварию твоему отцу».

«Но у тебя нет доказательств».

«Если бы у меня были доказательства, Бенджами уже не ухмылялся бы во весь рот».

«Что ж, поскольку Бенджами нас не слышит, я тебе расскажу, что у меня на уме». Глоуэн изложил свой план.

Чилке слушал с явным сомнением: «С моей стороны не вижу препятствий, но я не могу даже открыть водопроводный кран без разрешения Бодвина Вука».

Глоуэн хмуро кивнул: «Я и не ожидал другого ответа. Хорошо, сейчас же пойду и потребую, чтобы Бодвин меня выслушал».

Глоуэн поспешил по Приречной дороге в новое здание управления Заповедника, но язвительная секретарша и делопроизводительница Хильда сообщила ему, что Бодвин Вук еще не осчастливил подчиненных своим присутствием. Хильда недолюбливала Глоуэна, возмущалась его манерами и считала, что он пользуется чрезмерными поблажками начальства. «Придется тебе подождать, как всем остальным!» – заявила она.

Целый час Глоуэн листал журналы в приемной. Наконец появился Бодвин Вук. Не обращая внимания на Глоуэна, он остановился у стола Хильды, обронил несколько недовольных слов и скрылся у себя в кабинете, даже не посмотрев по сторонам.

Глоуэн подождал еще десять минут, после чего сказал Хильде: «Вы можете проинформировать суперинтенданта о том, что капитан Глоуэн Клатток прибыл и желает с ним поговорить».

«Он знает, что ты здесь».

«Но я не могу больше ждать».

«Даже так? – саркастически удивилась Хильда. – У тебя есть важные дела в другом месте?»

«Консерватор пригласил меня на обед в Прибрежную усадьбу».

Хильда скорчила гримасу и наклонилась к микрофону: «Глоуэн начинает безобразничать».

Послышался неразборчивый ворчливый ответ Бодвина. Хильда повернулась к Глоуэну: «Можешь пройти».

Глоуэн с достоинством промаршировал в кабинет начальника. Бодвин Вук, сидевший за столом, поднял голову и ткнул большим пальцем в сторону стула: «Садись. У тебя какие-то дела к консерватору?»

«Нужно же было что-то сказать этой женщине! Иначе она заставила бы меня сидеть весь день, вытянувшись в струнку. Совершенно очевидно, что она меня ненавидит всеми фибрами души».

«Ты ошибаешься! – парировал Бодвин Вук. – Хильда тебя обожает, но боится это показать».

«Трудно поверить», – пробормотал Глоуэн.

«Неважно! Не будем терять время на обсуждение Хильды и ее причуд. Зачем ты явился? Есть какие-нибудь новости? Если нет, уходи и не мешай».

Глоуэн ответил старательно сдержанным тоном: «Я хотел бы поинтересоваться вашими намерениями по поводу Шатторака».

«Этот вопрос рассматривается, – резко сказал Бодвин. – В данный момент какие-либо решения еще не приняты».

Глоуэн поднял брови, демонстративно изображая недоумение: «У меня было впечатление, что ситуация не терпит отлагательств».

«У нас десятки дел, не терпящих отлагательств! Помимо прочего, мне доставила бы огромное удовольствие возможность уничтожить космическую яхту Титуса Помпо – или, что еще лучше, захватить ее».

«Но вы не намерены срочно принимать меры по спасению моего отца?»

Бодвин Вук воздел руки к потолку: «Намерен ли я обрушить на Шатторак адский шквал огня, приказав пилотам таранить укрепления противника? Нет – не сегодня и не завтра».

«Каковы же ваши намерения?»

«Разве я не объяснил? Необходимо разведать обстановку – осторожно и незаметно. Так делаются дела в отделе В, где интеллект не подчиняется истерике! Время от времени, по меньшей мере».

«У меня возникла мысль, пожалуй, не противоречащая вашей стратегии».

«Ха-ха! Если ты задумал совершить в одиночку бесшабашную вылазку в стиле Клаттоков, не хочу даже слышать об этом! У нас нет автолетов для сумасбродных фантазеров!»

«Я не замышляю ничего безрассудного и даже не прошу предоставить мне автолет».

«Ты собираешься карабкаться на четвереньках в болотной жиже? Или прыгать с дерева на дерево, цепляясь за лианы?»

«Ничего подобного. На заднем дворе аэропорта стоит грузовой автолет устаревшей конструкции, „Скайри“. На нем удалена вся надстройка – по сути дела, осталась одна летающая платформа. Чилке иногда доставляет на ней грузы на Протокольный мыс. Эта платформа вполне подходит для того, что я задумал».

«Что именно ты задумал?»

«На бреющем полете можно незаметно приблизиться к берегу Эксе и проследовать вверх по течению реки Вертес к подножию Шатторака. Оттуда можно пешком подняться по склону вулкана и произвести разведку на месте».

«Дорогой мой Глоуэн, твоё предложение ничем не отличается от тщательно продуманного плана самоубийства».

Глоуэн с улыбкой покачал головой: «Надеюсь, что нет».

«Как ты намерен избежать смерти? Там водятся опаснейшие твари».

«Чилке поможет мне снарядить „Скайри“».

«Ага! Ты уже сговорился с Чилке!»

«Без него ничего не получится. Мы установим поплавки и навес над передней частью платформы, а также пару орудий типа G-ZR на поворотных опорах».

«И после того, как ты посадишь платформу, что потом? Ты думаешь, подъем по склону – приятная прогулка? Джунгли еще опаснее болот».

«В справочной литературе говорится, что после полудня хищники впадают в оцепенение».

«Из-за жары. Ты тоже впадешь в оцепенение от такой жары».

«Я погружу на корму „Скайри“ небольшой гусеничный вездеход. Скорее всего, он поможет мне подняться на Шатторак – в безопасное время дня».

«По отношению к Эксе слово „безопасность“ неприменимо. Кроме того, там все ломается».

Глоуэн посмотрел в окно: «Надеюсь, я как-нибудь выживу».

«Я тоже на это надеюсь».

«Значит, вы утверждаете мой план?»

«Не торопись. Допустим, ты поднимешься на Шатторак. Что потом?»

«Я доберусь до полосы за частоколом, где живут заключенные. Если мне повезет, я сразу найду отца, и мы сможем спуститься к реке, не возбуждая подозрений. Если отсутствие отца будет замечено, тюремщики решат, что он попытался бежать в одиночку через джунгли».

Бодвин Вук с сомнением хмыкнул: «В оптимальном случае. Тебя могут заметить, может сработать какая-нибудь сигнализация».

«То же можно сказать о любой попытке разведки».

Бодвин Вук покачал головой: «Шарду повезло. Если бы меня захватили в плен, кто бы вызвался меня выволить?»

«Я бы вызвался, директор».

«Хорошо, Глоуэн. Совершенно ясно, что ты уже не откажешься от своей затеи. Будь предусмотрителен! Не рискуй, если у тебя нет достаточных шансов. На Шатторак отвага Клаттоков бесполезна. Во-вторых, если ты не сможешь выволить Шарда, привези кого-нибудь, кто сможет предоставить нам информацию».

«Будет сделано, директор. Как насчет радиосвязи?»

«Пищалок⁴ у нас нет, в них никогда не было необходимости. Тебе придется обойтись без радио. У тебя есть еще какие-нибудь идеи?»

«Вы могли бы позвонить Чилке и сообщить ему, что разрешаете переоборудовать „Скайри“».

«Позвоню. Что еще?»

«Должен вам сообщить, что Эгон Тамм пригласил меня в Прибрежную усадьбу. Он хочет, чтобы я прочел завещание Флоресте в присутствии смотрительницы Клайти Вержанс и нескольких других жмотов».

«Гм. Ты популярен в обществе, а? Полагаю, тебе нужна копия письма?»

«У меня уже есть копия, директор».

«Довольно, Глоуэн! Чтоб духу твоего здесь не было!»

⁴ «Пищалка»: приемопередатчик, сперва кодирующий сообщение, а затем сжимающий его в импульсный сигнал («писк») продолжительностью в миллиардную долю секунды; такой сигнал практически нет возможности перехватить.

V

Незадолго до полудня Глоуэн прибыл в Прибрежную усадьбу, где его встретил в тенистом вестибюле Эгон Тамм собственной персоной. Глоуэну показалось, что за последние несколько месяцев консерватор заметно постарел. Его темные волосы поседели в висках, светло-оливковая кожа приобрела оттенок слоновой кости. Эгон Тамм приветствовал Глоуэна с необычной сердечностью: «По правде сказать, Глоуэн, мне не нравится компания, в которой я оказался. Становится трудно сохранять официальную сдержанность».

«Значит, смотрительница Вержанс в ударе?»

«В лучшей форме! Она и теперь расхаживает по гостиной, обличая преступников, провозглашая манифесты и вообще излагая и поясняя свою теорию всего сущего. Джулиан время от времени сопровождает ее излияния возгласами „Да-да! Именно так!“ и принимает то одну галантную позу, то другую, пытаюсь обратить на себя внимание Флиц. Левин Бардьюс пропускает мимо ушей добрую половину всего, что вокруг него говорится. Понятия не имею, что Бардьюс на самом деле думает, он человек скрытный. Смотритель Фергюс и его жена Ларика благоразумно ведут себя, как положено, и с достоинством хранят молчание. Я тоже не спешу навлечь на себя гнев Клайти Вержанс и в основном помалкиваю».

«На смотрителя Боллиндера надежды нет?»

«Увы! Ничто не омрачает триумф Клайти Вержанс».

«Гм, – Глоуэн нахмурился. – Может быть, мое появление ее отвлечет».

Эгон Тамм улыбнулся: «Ее отвлечет завещание Флоресте. Ты его принес, надеюсь?»

«Оно в кармане».

«Тогда пойдем. Уже подходит время обеда».

Они прошли по сводчатому коридору в просторную гостиную с высокими окнами, обращенными на юг, к лагуне, играющей солнечными бликами почти до горизонта. Стены и потолок были покрыты белой эмалью – за исключением потолочных балок, сохранивших естественный вид потемневшего от времени дерева. На полу лежали три ковра с зелеными, черными, белыми и рыжими узорами; кресла и диваны были обиты серо-зеленой саржей. На стеллажах и шкафах у противоположной входу стены красовалась часть чудесной коллекции всевозможных редкостей, находок и загадочных объектов, собранных сотней предшественников нынешнего консерватора. На столе у западной стены находились книги, журналы и букет розовых цветов в пузатой вазе из глазированного бледного сине-зеленого селадона. К этому столу в тщательно выбранной изящной позе прислонился Джулиан Бохост.

В гостиной было шесть человек. Смотрительница Вержанс расхаживала из угла в угол, заложив руки за спину. Джулиан кивал, присев на край стола. У окна сидела молодая женщина с гладкими серебристыми волосами и классически правильными чертами лица; погруженная в свои мысли, она не уделяла Джулиану никакого внимания. На ней были серебристые брюки в обтяжку, короткая свободная черная блуза и черные сандалии на босу ногу. Рядом стоял лысый костлявый субъект чуть ниже среднего роста, с прищуренными светло-серыми глазами и коротким приплюснутым носом. Смотритель Фергюс и его супруга Ларика, церемонно выпрямившись, сидели на диване и наблюдали за маневрами Клайти Вержанс, как котят, замороженные манипуляциями змеи. Уже не молодые люди, они носили скромную темную одежду, принятую в Строне.

Набычившись, смотрительница Вержанс вышагивала по гостиной: «Это неизбежно и необходимо! Не каждому это будет по душе, но что с того? Мы уже пренебрегли их эмоциями. Приливная волна прогресса...» Она прервалась на полуслове, уставившись на Глоуэна: «Здравствуйте! Это еще кто?»

Джулиан Бохост, поднявший было к губам бокал вина, высоко поднял брови: «Клянусь девятью богами и семнадцатью дьяволами! Это не кто иной, как отважный Глоуэн Клатток, охраняющий нас от йипов!»

Глоуэн даже не посмотрел на Джулиана. Эгон Тамм прежде всего представил ему пожилую пару на диване: «Смотритель Уайлдер Фергюс и его супруга, Ларика Фергюс». Глоуэн вежливо поклонился. Консерватор перешел к окну: «А здесь сверкает на солнце Флиц». Флиц едва покосилась на Глоуэна и вернулась к созерцанию своих черных сандалий.

«Рядом с Флиц стоит ее близкий друг и деловой партнер, Левин Бардьюс, – продолжал Эгон Тамм. – В настоящее время они гостят у смотрительницы Вержанс в Строне».

Бардьюс салютовал Глоуэну с достаточно добродушным сарказмом. Вблизи Глоуэн разглядел, что Левин Бардьюс, по существу, не был лыс – его голову покрывали очень коротко подстриженные, почти бесцветные волосы. Движения Бардьюса были точными и решительными; его костюм, так же, как и он сам, казался только что выстиранным, выглаженным и продезинфицированным.

Выпалив первое удивленное замечание, Клайти Вержанс замолчала, направив каменный взор в окно. Эгон Тамм тихо спросил: «Смотрительница Вержанс, вы, наверное, помните капитана Клаттока? Вы уже встречались раньше».

«Конечно, помню! Он служит в местной полиции – или как ее там называют».

Глоуэн вежливо улыбнулся: «Как правило, ее называют отделом охраны и расследований. Фактически, наш отдел – подразделение МСБР».

«Неужели? Джулиан, ты что-нибудь об этом слышал?»

«Нечто в этом роде».

«Странно. Насколько мне известно, МСБР предъявляет строгие требования к своему персоналу».

«Вы правильно осведомлены, – подтвердил Глоуэн. – Вас, несомненно, порадует тот факт, что квалификация большинства агентов отдела В не только удовлетворяет требованиям МСБР, но и превышает их».

Джулиан рассмеялся: «Дорогая тетушка, по-моему, вы попали в ловушку».

Смотрительница Вержанс крикнула: «Мне нет никакого дела до полиции». Она отвернулась.

«Что тебя привело в Прибрежную усадьбу, Глоуэн? – поинтересовался Джулиан Бохост. – Интересующая тебя персона отсутствует – как нам сказали, она где-то на Земле. Тебе известно, где именно?»

«Я пришел навестить консерватора и госпожу Кору, – отозвался Глоуэн. – Присутствие госпожи Вержанс – и твое присутствие – оказалось приятным сюрпризом».

«Хорошо сказано! Но ты уклонился от ответа на вопрос».

«По поводу Уэйнесс? Насколько я знаю, она гостит у своего дяди, Пири Тамма, в поселке Иссенж».

«Так-так, – Джулиан выпил вина. – Кора Тамм рассказывала мне, что ты тоже совершил приятную поездку на другие планеты за счет управления».

«Я был в командировке по служебным делам».

Джулиан расхохотался: «Не сомневаюсь, что это так и называется в документах, обосновывающих твои расходы».

«Надеюсь. Я был бы возмущен, если бы меня заставили платить за то, чем мне пришлось заниматься».

«Значит, командировка обернулась провалом?»

«Я выполнил задание, едва не расставшись с жизнью. Мне удалось выяснить, что импресарио Флоресте был замешан в отвратительных преступлениях. Теперь Флоресте казнили. Можно считать, что командировка закончилась успешно».

Клайти Вержанс чуть не задохнулась от гнева: «Ты убил Флоресте, самого знаменитого из наших артистов?»

«Я его не убивал. Судебные исполнители впустили в его камеру безболезненно усыпляющий, смертельно ядовитый газ. Между прочим, Флоресте назначил меня распорядителем его наследственного имущества».

«В высшей степени достопримечательное обстоятельство!»

Глоуэн кивнул: «Он объясняет это обстоятельство в своем завещании; в том же документе подробно обсуждается Титус Помпо. Они были хорошо знакомы».

Смотрительница Вержанс протянула руку: «Я хотела бы просмотреть это завещание».

Глоуэн улыбнулся и покачал головой: «Некоторые части документа засекречены».

Опустив руку, Клайти Вержанс снова принялась расхаживать по гостиной: «Завещание не поведает нам ничего нового. Титус Помпо – терпеливый человек, но всякому терпению есть предел. Надвигается великая трагедия. Пора принимать срочные меры!»

«Совершенно верно», – пробормотал Глоуэн.

Клайти Вержанс бросила на него взгляд, полный подозрений: «По этой причине я собираюсь предложить на следующем всеобщем собрании испытательную или экспериментальную программу переселения йипов».

«Это было бы преждевременно, – заметил Глоуэн. – Прежде всего следует решить несколько практических вопросов».

«Каких именно?»

«Мы не можем переселить йипов, пока не найдем планету, способную их ассимилировать. Кроме того, потребуются космические транспортные средства».

Клайти Вержанс с изумлением остановилась: «У тебя извращенное чувство юмора!»

«Я не шучу. Йипам придется адаптироваться к резким переменам, но альтернативы нет».

«Альтернативой является расселение йипов на побережье Мармионского залива, с последующим введением системы всеобщего равноправного голосования! – смотрительница повернулась к Эгону Тамму. – Разве вы не согласны?»

За консерватора с возмущением ответил Уайлдер Фергюс: «Вы прекрасно знаете, что глава управления Заповедника обязан соблюдать Хартию!»

«Все мы обязаны смириться с действительностью, – отрезала Вержанс. – Партия ЖМО настаивает на демократической реформе – и ни один честный, добросовестный человек не может нам ничего возразить!»

Ларика Фергюс не вытерпела: «Я вам возражаю, сию минуту! И больше всего я презираю ханжество и двуличность жмотов!»

Клайти Вержанс моргнула в раздражении и замешательстве: «Получается, что я – двуличная ханжа? Разве я не высказываюсь прямо и откровенно?»

«Достаточно откровенно – и почему бы нет? Жмоты давно разделили между собой великопные поместья, которые они присвоят после крушения существующей системы!»

«Это безответственное, провокационное замечание! – воскликнула Клайти Вержанс. – Кроме того, это просто клевета!»

«Это чистая правда! Я слышала, как жмоты обсуждали распределение земельной собственности. Ваш племянник Джулиан Бохост хвалился тем, что подыскал себе несколько гектаров в приятнейшем месте».

«Поистине, госпожа Фергюс, вы преувеличиваете, – вкрадчиво вставил Джулиан. – Не следует придавать значение праздной болтовне».

«Ваше беспочвенное обвинение не имеет никакого отношения к основной проблеме и поэтому не подлежит обсуждению», – заявила смотрительница Вержанс.

«Оно имеет прямое отношение к предложенному вами решению проблемы. Вы намерены уничтожить Заповедник! Неудивительно, что вы встали на сторону йипов».

«Поверьте мне, госпожа Фергюс, вы неправильно представляете себе происходящее, – возразил Джулиан. – Члены партии ЖМО – будьте добры, не называйте их „жмотами“ – практические идеалисты! Мы считаем, что самое важное следует делать в первую очередь! Перед тем, как готовить суп, необходимо добыть кастрюлю!»

«Золотые слова, Джулиан! – похвалила Клайти Вержанс. – Никогда еще я не слышала столь фантастических, диких обвинений!»

Джулиан грациозно взмахнул рукой, держащей бокал: «В мире бесконечных возможностей выбор неограничен. Все течет, все меняется. Ничто не остается на месте».

Левин Бардьюс повернулся к своей спутнице: «Джулиан рассуждает весьма замысловато. Ты не ощущаешь некоторое замешательство?»

«Нет».

«Ага! Значит, ты хорошо знакома с его идеями?»

«Я не слушала».

Джулиан отпрянул, изображая, что неприятно шокирован: «Какая потеря! Какая жалость! Вы пропустили один из моих самых вдохновенных афоризмов!»

«Любое высказывание можно повторить – как-нибудь в другой раз».

Эгон Тамм вмешался: «Я заметил, что Кора уже подала сигнал к обеду. Она предпочитает, чтобы во время еды мы не разговаривали о политике».

Один за другим гости направились на затененную деревьями террасу – настил из темных досок болотного вяза на сваях, вбитых в дно лагуны. На столе уже был расставлен сервиз из зеленого и синего фаянса, а также высокие бокалы из спирально закрученного темно-красного стекла.

Кора Тамм рассадил присутствующих, дружелюбно игнорируя их симпатии и антипатии; в результате Глоуэн оказался прямо напротив Джулиана, окруженный смотрительницей Вержанс справа и хозяйкой дома слева.

Сначала застольная беседа носила осторожный характер, касаясь различных повседневных тем, хотя Клайти Вержанс главным образом хранила угрюмое молчание. Джулиан Бохост снова выразил любопытство по поводу Уэйнесс: «Когда она собирается вернуться?»

«Моя дочь – настоящая загадка, – ответила Кора Тамм. – Она заявляет, что ее тянет домой, но при этом у нее нет никакого определенного расписания. По-видимому, она занята своими исследованиями».

«Какого рода исследованиями?» – спросил Левин Бардьюс.

«Насколько я понимаю, она изучает историю заповедников прошлого, пытаясь понять, почему некоторые из них добились успеха, а другие – потерпели провал».

«Любопытно! – заметил Бардьюс. – Ей придется проанализировать большой объем информации».

«Боюсь, что так», – печально кивнула Кора Тамм.

«И все же это никому не повредит, и она сможет многое узнать, – подбодрил супругу Эгон Тамм. – Мне кажется, что каждому, у кого есть такая возможность, следует совершить паломничество на Древнюю Землю хотя бы раз в жизни».

«Земля – источник всей настоящей культуры», – изрекла Кора Тамм.

Клайти Вержанс отозвалась нарочито бесцветным тоном: «Боюсь, что Древняя Земля истощилась, разложилась, потерпела нравственное банкротство».

«По-моему, вы преувеличиваете, – вежливо возразила Кора. – Пири Тамм, наш близкий родственник на Земле – вовсе не разложившийся и не безнравственный человек, хотя можно сказать, что он устал от долгих и тяжких трудов».

Джулиан постучал по бокалу чайной ложкой, чтобы привлечь к себе внимание: «Я пришел к выводу, что любое утверждение, касающееся Древней Земли, одновременно истинно и ложно. Я хотел бы увидеть Землю своими глазами».

Эгон Тамм обратился к Бардьосу: «А вы как считаете?»

«Я редко высказываю мнения по поводу чего бы то ни было и кого бы то ни было, – ответил Левин Бардьос. – По меньшей мере это позволяет мне не опасаться того, что меня назовут болтуном, готовым сказать любую нелепость ради красного словца».

Джулиан поджал губы: «И все же, опытным путешественникам известно, чем одна планета отличается от другой. Это помогает им разбираться в людях и ситуациях».

«Возможно, вы правы. Флиц, ты что-то сказала?»

«Вы можете налить мне еще немного вина».

«Разумное замечание, хотя его скрытый смысл нуждается в пояснении».

Теперь Бардьоса решила побеспокоить Кора Тамм: «Я полагаю, вы навещали Древнюю Землю?»

«Несомненно! И неоднократно!»

Кора покачала головой: «Честно говоря, меня удивляет, что вы и... гм, Флиц... оказались в нашей тихой заводи на дальнем конце Пряди Мирцеи».

«Мы, по сути дела, туристы. Кадуол заслужил репутацию единственного в своем роде, причудливого мира».

«А чем, если не секрет, вы главным образом занимаетесь?»

«Главным образом коммерцией в самом традиционном смысле слова, и Флиц мне во многом помогает. Она очень проницательна».

Все повернулись в сторону Флиц, и та рассмеялась, демонстрируя чудесные белые зубы.

«И вы пользуетесь только этим именем – Флиц?» – спросила Кора.

Флиц кивнула: «Только этим».

Бардьос пояснил: «Флиц считает, что одно короткое имя отвечает ее потребностям, и не видит необходимости обременять себя набором лишних, ничего не значащих слогов».

«Необычное имя, – заметила Кора. – Интересно, каково его происхождение?»

«Наверное, родители называли вас „Флитценпуф“ или каким-нибудь еще неудобопроизносимым образом?» – с напускным сочувствием спросил Джулиан.

Флиц покосилась на Джулиана и тут же отвела глаза: «Вы ошибаетесь». Она вернулась к внимательному изучению бокала.

Кора Тамм снова обратилась к Бардьосу: «Существует ли какая-нибудь определенная область коммерции, которая вас интересует больше всего?»

«Можно сказать и так, – кивнул Бардьос. – Какое-то время я занимался повышением эффективности систем общественного транспорта и финансировал строительство подводных туннелей для скоростных поездов на магнитной подушке. Но в последнее время меня больше привлекают так называемые „тематические“ гостиничные комплексы».

«У нас есть несколько таких гостиниц, разбросанных по территории Дьюкаса, – вставил Эгон Тамм. – Мы называем их заповедными приютами».

«Если позволит время, я хотел бы навестить некоторые из них, – повернулся к нему Бардьос. – Я уже познакомился с гостиницей „Араминта“. Должен признаться, в ней мало любопытного, она даже несколько устарела».

«Устарела – как и все остальное на станции Араминта!» – фыркнула Клайти Вержанс.

Глоуэн сказал: «Гостиница действительно выглядит ужасно. Ее строили и перестраивали из поколения в поколение, добавляя то пристройку, то этаж. Рано или поздно придется построить другой отель, хотя, судя по всему, сперва наступит очередь нового Орфеума, так как Флоресте уже обеспечил львиную долю необходимой суммы».

Эгон Тамм повернулся к Глоуэну: «Пожалуй, наступило самое удобное время для того, чтобы прочесть завещание Флоресте».

«Я не прочь – если оно кого-нибудь интересует».

«Меня оно интересует», – обронила Клайти Вержанс.

«И меня», – добавил Джулиан.

«Как вам угодно». Глоуэн достал письмо из кармана: «Я пропущу несколько строк – по нескольким причинам – но, думаю, вам покажется достаточно любопытным и то, что я могу прочесть».

Смотрительница Вержанс тут же ошетибилась: «Читай все до последнего слова! Не вижу никаких причин что-либо опускать. Все присутствующие – высокопоставленные служащие управления Заповедника или люди, полностью заслуживающие доверия».

«Надеюсь, одно не исключает другое, тетушка», – не удержался Джулиан.

«Я прочту столько, сколько возможно», – заключил Глоуэн. Открыв конверт, он достал письмо и стал читать, пропуская разделы, относившиеся к Шаттораку и к Чилке. Джулиан слушал с высокомерной улыбкой; смотрительница Вержанс время от времени досадливо прищелкивала языком. Бардьос отнесся к завещанию Флоресте с вежливым любопытством, тогда как Флиц повернулась к лагуне и смотрела в горизонт. Смотритель Фергюс и его жена иногда не могли сдержать приглушенные возгласы возмущения.

Закончив чтение, Глоуэн сразу сложил письмо и спрятал его за пазухой. Уайлдер Фергюс обратился к смотрительнице Вержанс: «И эти мерзавцы – ваши союзники? Вы и все остальные жмоты – просто глупцы!»

«Члены партии ЖМО, будьте так добры», – пробормотал сквозь зубы Джулиан Бохост.

Клайти Вержанс тяжело вздохнула: «Я редко ошибаюсь в своей оценке человеческих характеров! Флоресте очевидно искажил события или писал под диктовку отдела В. Вполне возможно, что все это так называемое „завещание“ – наглая подделка».

Эгон Тамм произнес: «Госпожа Вержанс, такие обвинения нельзя выдвигать без достаточных оснований. По существу, вы только что нанесли клеветническое оскорбление капитану Клаттоку».

«Хмф! Даже если это не подделка, факт остается фактом: письмо не соответствует моим представлениям о положении дел».

Глоуэн спросил самым невинным тоном: «А вы знакомы с Титусом Зигони и его женой Смонни – урожденной, к сожалению, Симонеттой Клатток?»

«Нет, лично не знакома. Их благородные поступки, однако, служат достаточным свидетельством их намерений и характера. Совершенно очевидно, что они борются против угнетателей за правое дело, за справедливость и демократию!»

Глоуэн повернулся к Эгону Тамму: «Консерватор, прошу меня извинить – мне пора возвращаться в управление. Госпожа Кора, благодарю за обед». Поклонившись всем остальным, Глоуэн удалился.

Глава 2

I

В два часа после полуночи на станции Араминта было тихо и темно – только несколько желтых фонарей горели вдоль Приречной и Пляжной дорог. Лорка и Синг закатились за западные холмы; в черном небе сверкали, радужно переливаясь, струящиеся обильным потоком звезды Пряди Мирцеи.

Приглядевшись, в глубоких тенях на заднем дворе за ангарами аэропорта можно было заметить какое-то движение. Тихо поднялись ворота ангара – Глоуэн и Чилке выкатили наружу модифицированный автолет «Скайри». На шасси были закреплены поплавки, на платформе – новая кабина; на кормовой палубе стоял надежно привязанный тросами гусеничный вездеход. Кроме того, платформа и шасси были оснащены, по возможности, обтекателями.

Глоуэн совершил обход летательного аппарата и не нашел ничего, что заставило бы его отказаться от своих намерений. Чилке произнес: «Последнее напутствие, Глоуэн. У меня в кабинете хранится бутылка очень старого, очень дорогого „Дамарского янтаря“. Мы разопьем ее после твоего возвращения».

«Прекрасная мысль!»

«С другой стороны, мы могли бы распить ее и сейчас – чтобы опередить события, так сказать».

«Лучше это сделать, когда я вернусь».

«Похвальный, оптимистический подход! – одобрил Чилке. – Ну что ж, тебе пора вылетать. Путь не близкий, а „Скайри“ – тихоходная машина. Я заставлю Бенджамины весь день заниматься инвентаризацией на складе, так что в этом отношении тебе ничто не угрожает».

Глоуэн забрался в кабину, махнул рукой на прощание и поднял «Скайри» в воздух.

Внизу тлели желтые огни станции Араминта. Глоуэн взял курс на запад, чтобы пролететь над всем Дьюкасом на минимальной высоте вдоль предгорий высокого Мальдунского хребта, а затем пересечь огромный Западный океан по пути к берегам Эксе.

Тусклое зарево уличных фонарей исчезло за кормой; «Скайри» тихо плыл в ночном небе с максимальной возможной скоростью. Не зная, чем заняться, Глоуэн растянулся на сиденье, слегка опустив спинку, завернулся в плащ и попробовал заснуть.

Его разбудил бледный рассвет. Взглянув в окно, он увидел внизу поросшие лесом холмы. Судя по карте, они назывались «Синдиками»; к югу грозной тенью возвышалась Джазовая гора.

Ближе к вечеру того же дня «Скайри» пролетел над западным побережьем Дьюкаса – вереницей низких утесов с белой полосой морской пены у подножья, отделявшей материк от ленивых синих волн. Далеко на запад выступал мыс Тирнитиса; за ним простирался бескрайний водный простор. Глоуэн снизился и уточнил курс – «Скайри» повернул на запад-юго-запад, скользя по воздуху в пятидесяти метрах над широкими и длинными валами Западного океана. Этот курс должен был привести его к восточному берегу Эксе, туда, где в океан впадала великая река Вертес.

День кончался. Сирена скрылась за безоблачным горизонтом, оставив западную часть неба под присмотром алмазно-белой изящной Лорки и багрового, как спесивый старец, Синга. Часа через два они тоже ускользнули за невидимый край океана, и ночь стала по-настоящему темной.

Глоуэн проверил приборы, уточнил свои фактические координаты, сравнил их с намеченным курсом и снова попытался уснуть.

На следующее утро, за час до полудня, Глоуэн заметил над западным горизонтом далекие кучевые облака. Еще через час на том же горизонте появилась темная линия – берег Эксе. Глоуэн снова проверил координаты и убедился в том, что прямо по курсу находилось устье Вертеса, не меньше пятнадцати километров в поперечнике. Точное измерение ширины Вертеса было невозможно, так как нельзя было с какой-либо степенью уверенности сказать, где именно кончалась река и начиналось окружающее болото.

По мере приближения к берегу цвет морской воды изменился: теперь она приобрела маслянистый оливково-зеленый оттенок. Впереди уже можно было разглядеть эстуарий Вертеса. Глоуэн слегка повернул направо, чтобы держаться поближе к северному берегу реки. Медленное течение несло в океан упавшие деревья, гниющие бревна, коряги, плавающие островки переплетенного кустарника и тростника. Внизу появилось нечто вроде отмели из слизи, поросшей камышом – Глоуэн летел над континентом Эксе.

Река казалась почти неподвижной среди дышащих удушливыми испарениями болот и полузатопленных островов темно-голубой, зеленой и печеночно-охряной плавающей растительности. Изредка из-под воды выступали узкие гребни топкого торфа – за них цеплялись воздушными корнями раскидистые деревья, тянувшиеся к небу кронами разнообразных форм. В воздухе кружились и сновали полчища всевозможных летучих организмов. То и дело птица ныряла в жидкую грязь и тут же вспархивала с извивающимся белым угрем в клюве. Иные ловили рыбу, подплывавшую к поверхности воды, или охотились за насекомыми и другими птицами, наполняя воздух стремительным движением и сливающимся шумом тысяч резких выкриков.

Выше по течению, в развилке ветвей плывущего упавшего дерева в позе безутешного мыслителя сидел грязешлеп – напоминающий узловатую обезьяну андорил почти трехметрового роста, весь состоящий, на первый взгляд, из костистых угловатых рук и ног и длинной узкой головы. Пучки белой шерсти окаймляли физиономию из морщинистого хряща с ороговевшими пластинками и торчащими на подвижных антеннах глазами, а на веретенообразной груди висел свернутый спиралью хоботок. Река всколыхнулась рядом с дрейфующим деревом – над водой возникла тяжелая зубастая голова на мощной длинной шее. Грязешлеп панически взвизгнул; хоботок его развернулся, плюясь ядом в сторону ужасной головы – но тщетно. Разинув желтую пасть, голова совершила молниеносный бросок, проглотила грязешлепа и скрылась в глубине. Глоуэн задумчиво потянул руль на себя, чтобы «Скайри» летел несколько выше.

Приближалось то время дня, когда жара становилась исключительно тягостной, когда обитатели Эксе предпочитали двигаться как можно меньше. Глоуэн тоже начинал с беспокойством ощущать пламенное дыхание болот, проникавшее в кабину и перегружавшее уставленный Чилке кондиционер. Глоуэн пытался игнорировать жару, духоту и влажность, мысленно репетируя предстоящую разведку. До Шатторака оставались еще полторы тысячи километров пути на запад. Глоуэн не надеялся долететь до подножия вулкана раньше наступления темноты, а ночь вовсе не была наилучшим временем для прибытия. Глоуэн снизил скорость парящего над рекой «Скайри» до ста пятидесяти километров в час, что позволило ему лучше разглядеть проплывавшую мимо панораму.

Некоторое время пейзаж состоял из оливково-зеленой реки слева и болот по правую сторону. По илистой грязи скользящими прыжками передвигались стайки приплюснутых серых существ с шестью перепончатыми лапами. Они паслись с кажущейся медлительностью, поедая мягкие ростки тростника, пока из болотной жижи не вырывалось толстое щупальце с глазом на конце, после чего животные улепетывали с поразительной прытью, а щупальце в бессильной ярости хлестало грязь, разбрасывая брызги.

Река начинала виться частыми излучинами, то отклонявшимися далеко на юг, то возвращавшимися на север. Сверившись с картой, Глоуэн полетел напрямик над разделявшими излучины языками земли, по большей части поросшими сплошным тропическим лесом, сверху

производившим впечатление бугристого моря листвы. Отдельные округлые бугры достигали двадцатиметровой высоты. Время от времени каменная вершина бугра была лишена растительности, и тогда она служила лежбищем для гибкой, головастой синевато-серой твари, напоминавшей дюкаского бардиканта. Пролетая мимо, Глоуэн успел заметить, что расчисткой леса на возвышенностях занимались группы ходивших вперевалку темно-рыжих грызунов, оцетинившихся толстыми короткими шипами. Скальный ящер с надменным безразличием наблюдал за методичной деятельностью шиповатых увальней, явно брезгуя соседями – своего рода сюрприз для Глоуэна, так как на Дюкасе типичный бардикант с алчной неразборчивостью пожирал все, что двигалось поблизости.

С запада надвигались несколькими грядами тяжелые серые тучи, волочившие шлейфы проливного дождя. Налетел внезапный шквал, заставивший «Скайри» покачнуться и рыскать в поисках курса. Вслед за порывом ветра с неба обрушился настоящий водопад пресной воды; за шумящими струями почти ничего нельзя было разглядеть.

Теплый ливень бушевал над рекой почти целый час. Наконец тучи остались за кормой, и впереди открылось ясное небо. Сирена уже погружалась в следующую всклокоченную гряду зловещих туч, а поодаль Лорка и Синг продолжали свой вечно блуждающий вальс. На западе, чуть севернее реки, Глоуэн различил конический силуэт Шатторака – смутную пасмурную тень над горизонтом. Глоуэн постепенно спустился почти к самой поверхности воды и полетел под прикрытием леса, стеной выраставшего на правом берегу, чтобы «Скайри» не засекали радары, установленные на вершине сопки.

Глоуэн неторопливо летел над рекой; тем временем Сирена погружалась в столпотворение туч. В этих местах русло Вертеса было все еще не меньше трех километров в поперечнике. Подрагивающие от течения поля серой плавучей плесени, затянувшей обширную прибрежную полосу, поддерживали пучки высокой черной травы, увенчанной шелковыми голубыми помпонами; губчатые дендроны развернули к вечеру пары огромных черных листьев, молитвенно сложенных лодочкой под полуденным солнцем. По поверхности плесени рыскали в поисках насекомых и болотных червей многоножки-водомерки. Под плесенью насекомых подстерегали другие, невидимые хищники, выдававшие свое присутствие только едва выступавшим перископическим глазом. В пучках травы и на стеблях тростника тоже притаились мелкие хищники. Стоило неосторожной водомерке приблизиться, высоко взметалось щупальце, во мгновение ока хватавшее добычу и увлекавшее ее под воду. Полуденное оцепенение прошло: обитатели Эксе лихорадочно кишели, поедая растительность, нападая друг на друга, яростно сопротивляясь или пускаясь в бегство – в зависимости от особенностей вида.

Шайки грязешлепов пробирались через прибрежную чащу и совершали перебежки по речной плесени, с почти неуловимой глазом быстротой мелькая широкими оперенными ступнями, прощупывая длинными дротиками глубокую прибрежную жижу, чтобы подцепить и отправить в рот болотного червя или какой-нибудь другой деликатес. Грязешлепы несомненно относились к отряду андорилов, более или менее человекообразных животных, разделившихся на множество разновидностей и рас и процветавших на Кадуоле во всех средах обитания. Типичный грязешлеп, выпрямивший по-птичьи тонкие ноги с двумя коленными суставами на каждой, достигал в высоту больше двух с половиной метров. К своим продолговатым головам грязешлепы прикрепляли букеты раскрашенных прутиков, обозначающие кастовую принадлежность. На их жестких шкурах пятнами и пучками росла черная шерсть, отливавшая иногда лавандовым, иногда золотисто-коричневым блеском. Несмотря на очевидное презрение к дисциплине, грязешлепы не теряли бдительность, внимательно проверяя обстановку, прежде чем отважиться на вылазку в том или ином направлении. Заметив щупальце с перископическим глазом, они принимались возмущенно верещать и закидывали глаз комями грязи и палками или заплевывали его ядовитыми выделениями из хоботков на груди, пока щупальце не вынуждено было полностью ретироваться в болотную жижу. Столк-

нувшись с крупным хищником, они демонстрировали поведение, на первый взгляд свидетельствовавшее о полном пренебрежении опасностью – бросали в зверя ветками, тыкали в него своими дротиками, тут же высоко и далеко отскакивая на пружинистых ногах, а иногда даже избегали на спину чудовища, издевательски щебеча и повизгивая, пока раздосадованная тварь не погружалась в болотную тину или не скрывалась, отряхиваясь и мотая головой, в чаще леса.

Так продолжался в Эксе заведенный порядок жизни, пока Глоуэн летел в темно-желтых лучах позднего вечера. Сирена зашла; Лорка и Синг озаряли реку странным розовым свечением, и по мере того, как они тоже опускались к горизонту, «Скайри» приблизился к тому месту, где очередная излучина Вертеса почти омывала подножие Шатторака.

На другом берегу реки Глоуэн заметил расчищенный грызунами невысокий каменистый бугор, по ближайшем рассмотрении покинутый или еще не найденный скальным ящером. Глоуэн осторожно посадил на нем свой летательный аппарат и установил вокруг него проводную ограду под высоким напряжением, способным убить ящера и парализовать или обжечь и отпугнуть животное покрупнее.

Несколько минут Глоуэн стоял в тропических сумерках, прислушиваясь, вдыхая влажный, пропитанный ароматами растительности воздух – все еще жаркий, все еще удушливый. Какой-то едкий, гниловатый запах в конце концов вызвал у него приступ тошноты. «Если такова обычная атмосфера Эксе, придется надеть респиратор», – подумал Глоуэн. Но налетевший с реки слабый ветерок донес только промозглый аромат болотной тины, и Глоуэн решил, что источником тошнотворной вони было нечто, находившееся поблизости на бугре. Вернувшись в кабину «Скайри», Глоуэн по возможности изолировал себя от враждебного воздействия окружающей среды.

Ночь прошла достаточно спокойно. Глоуэн плохо спал, но разбужен был только однажды, когда какое-то существо ткнулось в ограду. Раздался громкий треск электрического разряда, за ним последовал глухой хлопок. Глядя в окно, Глоуэн включил установленный на крыше кабины прожектор и стал поворачивать его, наклонив так, чтобы освещался только участок перед оградой. На голой каменистой почве валялся истекающий густой желтой жидкостью труп одного из неуклюжих шиповатых существ, которых он заметил раньше на другом бугре. Кишки животного лопнули, внезапно раздутые испарившимся содержимым; рядом невозмутимо паслись не меньше дюжины родичей незадачливого травоядного.

Ограда осталась неповрежденной, и Глоуэн вернулся на походную койку – сиденье с откинутой спинкой.

Еще несколько минут Глоуэн лежал, прислушиваясь к разнообразным ночным звукам, далеким и близким: жалобно-угрожающим низким стонам, покашливающему ворчанию и хриплому, рывкающему лаю, кудахтанью и писку, переливчатому свисту и удивленным воплям, неприятно напоминавшим человеческие. Глоуэн задремал и проснулся снова, когда кабину уже заливал свет восходившей Сирены.

Заставив себя позавтракать консервированным походным рационом, Глоуэн еще немного посидел, пытаясь продумать предстоящие трудности. За рекой возвышалась громада Шатторака – пологая коническая сопка с голой вершиной, на две трети окутанная джунглями.

Глоуэн отключил подачу электроэнергии к ограде и вышел, чтобы свернуть ее в рулон. В тот же момент его, как ударом в лицо, поразила столь невероятная вонь, что он заскочил обратно в кабину, кашляя и отплевываясь. Отдышавшись, он с уважением взглянул в окно на шиповатый труп. Обычная орда любителей падали – насекомых, птиц, мелких хищников и рептилий – полностью отсутствовала. Неужели отвратительный запах отбивал аппетит у самых неприхотливых трупоедов? Вернувшись в кресло пилота, Глоуэн проконсультировался с таксономическим альманахом, загруженным в информационную систему. Как выяснилось, убитое ударом тока существо принадлежало к уникальному отряду животных, обитавших только в болотах Эксе, и называлось «шарлок». В альманахе указывалось, что шарлоки знаме-

ниты «пахучими выделениями желез, находящихся под щетинистыми наростами шкуры в задней части тела животного; ядовитые испарения этих выделений отпугивают других животных».

Поразмыслив несколько минут, Глоуэн надел «тропический костюм»: разработанный на основе космической технологии комбинезон из многослойной ткани, защищавший от жары и влажности благодаря циркуляции охлажденного портативным кондиционером воздуха. Взяв мачете, Глоуэн вышел наружу и разрубил труп шарлока на четыре части, испытывая благодарность к фильтрам кондиционера, допускавшим в дыхательную маску лишь намек на убийственную вонь. Один из кусков шарлока он привязал бечевкой к носовой перекладине рамы автолета, а другой – к кормовой перекладине. Два оставшихся куска он брезгливо опустил в мешок и положил на платформе «Скайри».

Сирена поднималась в небо – после рассвета прошел уже час. Глоуэн взглянул на противоположный берег, зеленевший в трех километрах; на поверхности реки виднелись только плавучие коряги и островки гниющей растительности. Прямо перед ним, за болотистой прибрежной полосой и джунглями, угрожающе высилась громада Шатторака, полная невысказанных мрачных тайн.

Забравшись в кабину «Скайри», Глоуэн поднял аппарат в воздух и пересек реку на бреющем полете, почти касаясь воды висящими под платформой обрубками туши шарлока. Там, где река переходила в болото, он заметил бродячую шайку грязешлепов, перескакивавших с кочки на кочку, то подкрадываясь к чему-нибудь, то отпрыгивая в испуге, совершавших стремительные перебежки по плесени, высоко поднимая колени, неожиданно останавливавшихся и погружавших дротики в воду в надежде загарпунить болотного слизня. Глоуэн видел также, что за грязешлепами внимательно следит плоская многоногая черная тварь, украдкой скользившая под плесенью и время от времени выглядывавшая – каждый раз все ближе к грязешлепам. «Хорошая возможность проверить мою гипотезу», – подумал Глоуэн. Он повернул и замедлился так, чтобы висящие под летательным аппаратом куски туши шарлока оказались прямо над плоским черным хищником. Хищник внезапно бросился вперед, но грязешлепы успели разбежаться, высоко подпрыгивая в воздух, после чего, застыв в позах напряженного изумления, принялись разглядывать автолет издали.

Результаты эксперимента не позволяли сделать однозначные выводы. Глоуэн полетел дальше, к темной чаще дендронов и полупогруженных в воду деревьев, где кончалось болото и начинались джунгли. В листве одного из деревьев он заметил невероятных размеров змею, метров пятнадцать в длину и около метра в поперечнике, с клыками спереди и загнутым острым жалом на хвосте. Туловище змеи медленно ползло по толстой ветви, а передняя часть повисла, присматриваясь или принюхиваясь к чему-то внизу. Глоуэн подлетел поближе. Змея стала конвульсивно корчиться и сворачиваться кольцами, бешено размахивая жалом в воздухе, после чего быстро соскользнула в чащу.

«В данном случае результаты можно считать положительными», – подумал Глоуэн.

Лавируя между кронами самых высоких деревьев, Глоуэн пытался что-нибудь разглядеть в глубине леса и вскоре обнаружил прямо перед собой большого ящера с молотообразной головой. Глоуэн стал медленно опускаться автолет прямо над крапчатой черно-зеленой спиной ящера, пока кусок шарлока не оказался буквально в полуметре от его раздвоенной головы. Ящер возбудился, стал хлестать мощным хвостом, встал на дыбы и набросился на дерево; дерево упало с громким треском. Ящер тяжело побежал вперед, продолжая молотить хвостом направо и налево.

Опять же, эксперимент можно было назвать успешным, но, каковы бы ни были полезные свойства шарлока, Глоуэн предусмотрительно решил отложить восхождение на Шатторак до полудня, когда – как по меньшей мере считали специалисты – местных зверей одолевала сонливость. Тем временем требовалось каким-то образом замаскировать «Скайри», чтобы убе-

речь его от повреждений. Вернувшись к краю болота, Глоуэн посадил автолет на небольшом открытом участке.

Грязешлепы продолжали с любопытством наблюдать за его маневрами, часто обмениваясь щелчками и писканиями. С карикатурным проворством сгрудившись с наветренной стороны автолета, они постепенно приближались, постукивая дротиками по земле и распушив красные гребешки на головах, что свидетельствовало о раздражении и враждебных намерениях. Метрах в пятнадцати от «Скайри» они остановились и стали бросаться комьями грязи и ветками. Не находя другого выхода, Глоуэн снова поднял автолет в воздух и вернулся к реке. Метрах в семистах выше по течению он нашел нечто вроде бухточки, вымытой течением, и приводнился на поплавах. Пытаясь пришвартовать «Скайри» к воздушным корням покрытого шипами кустарника, Глоуэн был атакован тучей злобных насекомых, полностью игнорировавших погрузившиеся в воду останки шарлока, эффективность которых после погружения в любом случае была сомнительна.

Глоуэн позволил автолету проплыть по течению к группе черных дендронов, состоявших из губчатой пульпы, гниловатой трухи и ошметков шелушащейся коры, но, по-видимому, все же пригодных для швартовки.

Привязав «Скайри», Глоуэн снова оценил положение вещей; ситуацию нельзя было назвать идеальной, но она могла быть гораздо хуже. Небо затягивалось – скоро должен был начаться неизбежный послеполуденный ливень. К нападениям хищников, укусам насекомых и прочим опасностям непримиримого континента он приготовился настолько, насколько это было возможно, и теперь оставалось только рискнуть.

Глоуэн ослабил зажимы, крепившие вездеход к палубе. Опыт показывал, что вонючие выделения шарлока могли, по меньшей мере в некоторых случаях, служить полезным репеллентом. Глоуэн привязал оставшиеся в мешке два куса туши шарлока к переднему и заднему бамперам гусеничного вездехода, после чего спустил оснащенную поплавами машину на воду с помощью лебедки. Погрузив в вездеход рюкзак и кое-какое полезное оборудование, Глоуэн осторожно спустился в сиденье небольшой машины, включил двигатель и медленно поплыл к берегу.

К неудовольствию Глоуэна шайка грязешлепов не переставала живо интересоваться происходящим, и теперь они возбужденно наблюдали за его приближением, угрожающе потрясая дротиками и распушив ярко-красные гребешки. Глоуэн повернул, чтобы пристать к берегу с наветренной стороны, надеясь отпугнуть грязешлепов запахом шарлока. Он ни в коем случае не желал причинять человекообразным аборигенам какой-либо ущерб – даже если бы он объяснялся необходимостью, возникшей вопреки всем предосторожностям, такой ущерб был чреват не поддающимися предсказанию последствиями. Грязешлепы могли в ужасе убежать – или напасть, если мстительная ярость преодолет страх, а против такого нападения у одного человека, затерянного в глубине джунглей, могло не найтись достаточных средств защиты. Глоуэн остановил вездеход в ста метрах от берега и позволил ему тихонько плыть по течению. Как он и надеялся, исходящая от шарлока вонь, судя по всему, заставила грязешлепов отказаться от дальнейших враждебных действий. В последний раз проверещав какие-то оскорбления и швырнув несколько комьев грязи, они повернулись спиной к вездеходу и стали удаляться вдоль берега. «Может быть, они просто соскучились?» – подумал Глоуэн.

Он осторожно направил машину к лесу. Сирена уже наполовину взошла к зениту, и без тропического костюма жара лишила бы его всякой возможности думать и действовать. Над болотом нависла мертвая тишина, нарушавшаяся только стрекотом и жужжанием насекомых. Глоуэн заметил, что насекомые предпочитали держаться подальше от вездехода, что избавило его от необходимости включать распылитель инсектицида.

Глоуэн въехал на первые отмели полужидкой грязи; вездеход продолжал упорно продвигаться вперед. Глоуэн привел в состояние готовности орудия по обеим сторонам машины,

установив радиус зоны реагирования, равный тридцати метрам, и включив автоматический режим. Он чуть не опоздал. Из болотной трясины, всего лишь метрах в пяти справа от вездехода, высоко поднялось колыхающееся оптическое щупальце. Орудие зарегистрировало движущийся объект и сработало мгновенно, испепелив щупальце энергетическим разрядом. Трясина вспучилась и опала с громким хлопаяющим звуком – существо, прятавшееся в глубине, не понимало, что с ним случилось. Грязешлепы, наблюдавшие за происходящим на безопасном расстоянии больше ста метров, почтительно замолчали, но уже через несколько секунд разразились злобной щебечущей бранью и стали кидаться сучьями, не долетавшими до вездехода. Глоуэн их игнорировал.

Вездеход, скользивший по покрытой плесенью топкой грязи, без дальнейших происшествий углубился в первые заросли леса, и теперь Глоуэну пришлось иметь дело с новой проблемой. Вездеход хорошо справлялся с такими препятствиями, как заросли тростника и кустарник, пробирался через переплетения лиан и даже валил преграждавшее путь небольшое дерево. Но когда несколько больших деревьев росли слишком близко одно к другому, их мощные стволы создавали непреодолимый барьер, и Глоуэну приходилось поворачивать в поиске объезда, что часто занимало довольно много времени. Кроме того, его чрезвычайно беспокоило то обстоятельство, что ни приводящая в оцепенение жара, ни вонь, исходившая от шарлока, ни автоматические орудия, вместе взятые, не могли полностью защитить его от опасности. Он случайно заметил на ветви, под которой собирался проехать, притаившуюся черную тварь, состоявшую, казалось, только из пасти, зубов, когтей и жил. Тварь сохраняла полную неподвижность, и компьютерная система не смогла ее обнаружить. Если бы вездеход проехал под этой веткой, хищник прыгнул бы прямо на спину Глоуэну и нанес бы ему увечья одним своим весом, даже если бы автоматическое орудие успело убить его в падении. Глоуэн застрелил черную тварь из пистолета, после чего продолжал путь гораздо осторожнее.

Вездеход уже карабкался вверх по склону Шатторака. Время от времени попадались более или менее легкопроходимые участки длиной пятнадцать-двадцать метров, но гораздо чаще Глоуэну приходилось круто поворачивать то в одну, то в другую сторону, протискиваться через узкие просветы между стволами и объезжать полуприкрытые растительностью провалы и расщелины. В целом он продвигался гораздо медленнее, чем хотел бы.

На джунгли обрушился послеполуденный ливень. Видимость резко ухудшилась, и все предприятие стало казаться Глоуэну неоправданно опасным. Наконец, через несколько часов после полудня, ему преградил путь глубокий овраг, настолько плотно заросший деревьями, что вездеход ни за что не смог бы его преодолеть. Но отсюда уже можно было видеть вершину – до нее оставалось не больше полутора километров подъема. Смирившись с неизбежностью, Глоуэн слез с вездехода, надел рюкзак, проверил оружие и отправился дальше пешком. Пробираясь с помощью мачете через овраг, он успел застрелить шипящее серое животное с длинными усами, выскочившее из влажного тенистого подлеска. Уже через несколько шагов ему пришлось уничтожить распыленным инсектицидом полчище хищных насекомых, уже окружавших его сплошной шевелящейся массой. Наконец Глоуэн задержался, чтобы перевести дыхание, выбравшись из ложбины с верхней стороны. После этого подъем стал не таким трудным, растительность – не такой плотной, и видимость значительно улучшилась.

Глоуэн поднимался, карабкаясь по обнажениям крошащегося черного камня мимо гигантских дождевиков, редких папоротников двадцатиметровой высоты – так называемых «конских хвостов» – и бочкообразных деревьев со стволами от четырех до семи метров в диаметре.

По мере приближения к вершине все чаще появлялись уступы рассыпающегося под ногами черного вулканического туфа. Наконец, остановившись за одним из конических дендронов, беспорядочно разбросанной группой которых кончался лес, Глоуэн увидел перед собой открытый склон – полосу шириной метров сто, отгороженную от плоской кальдеры вул-

кана трехметровым частоколом из заостренных шестов, сплетенных гибкими побегами и тонкими лианами. На открытом пространстве можно было заметить несколько примитивных хижин, устроенных в проемах между корнями бочкоствольных деревьев или просто в углублениях каменистого склона. Хижины тоже были окружены частоколами, кое-как сооруженными из доступных материалов. В некоторых явно жили; другие, брошенные, быстро разрушались беспощадным солнцем и столь же беспощадными ливнями. На нескольких участках кто-то пытался выращивать овощи. «Вот она, тропическая „тюрьма наоборот“! – подумал Глоуэн. – Отсюда каждый может бежать, когда захочет». Но где был Шард?

Хижины «узников» были сосредоточены в основном у ворот частокола, причем чем дальше от ворот, тем более запущенным казалось их состояние.

Держась в тени за стволами деревьев, Глоуэн подобрался как можно ближе к воротам. В поле зрения были шесть человек. Послеполуденные тучи защищали их от прямых лучей Сирены. Один чинил крышу своей хижины. Двое без энтузиазма работали на огородных участках; другие сидели, прислонившись к раздувшимся стволам бочкообразных деревьев, и неподвижно глядели в пространство. Пятеро заключенных, судя по всему, были йипами. Шестой, чинивший крышу высокий изможденный субъект со впалыми щеками, нездоровыми сиреновыми кругами под глазами и желтовато-бледной кожей, не загоревшей даже в тропиках, оброс черной бородой и волосами до плеч.

Шарда нигде не было. Может быть, он в одной из хижин? Глоуэн внимательно рассмотрел каждую хижину по очереди, но не мог уловить никаких признаков движения.

На Шатторак внезапно налетела сплошная стена дождя, наполнившая, казалось, весь воздушный простор над континентом глухим барабанным стуком тяжелых капель, молотивших землю и влажные листья. Заключенные не спеша вернулись каждый к своей хижине и сели в низких дверных проемах. Дождевая вода обильно струилась с крыш на землю, убегая бурлящими потоками по отводным канавкам и наполняя горшки, расставленные вдоль стен. Воспользовавшись шумом и завесой дождя, Глоуэн украдкой пробежал по склону к одной из пустующих хижин, служившей более или менее удобным укрытием. Рядом, в первой развилке толстого бочкоствольного дерева, метрах в десяти над землей, он заметил сооруженное из плетеных прутьев жилище, которое могло оказаться еще более полезным наблюдательным пунктом. Нырнув в завесу воды, струящейся с небес, Глоуэн подбежал к связанной из лиан лестнице и взобрался на шаткое крыльцо древесного жилища. Заглянув в него, он никого не нашел и скрылся внутри.

Действительно, отсюда можно было многое видеть, оставаясь незамеченным – в частности все, что происходило за частоколом, на чуть вогнутой и наклонной площадке кальдеры. Ливень мешал подробно рассмотреть открывшуюся картину, но Глоуэн различил за частоколом группу шатких строений, кое-как сколоченных из шестов и ветвей, с такими же крышами из перевязанных листьев, как на хижинах заключенных. Сооружения эти находились справа, с восточной стороны участка. Слева кальдера поднималась несколькими каменистыми уступами. В центре скопилось озеро дождевой воды, метров пятьдесят в поперечнике. Все пространство за частоколом казалось совершенно безлюдным.

Глоуэн устроился поудобнее и приготовился ждать. Часа через два дождь прекратился. Низко опустившееся солнце еще проглядывало между облаками. Период оцепенения кончился, и лес наполнился отчаянными звуками – населявшие Эксе твари снова принялись за свое, подстерегая и поглощая все съедобное, причиняя смерть зубами, когтями, ядовитыми жалами и удушающими объятиями или пытаясь избежать смерти всеми возможными способами. С плетеной площадки на дереве открывалась широкая панорама джунглей – Глоуэн видел блестящие излучины Вертеса и сливавшиеся с небом далеко на юге бескрайние болота. То издали, то угрожающе близко раздавались похрюкивание и блеянье, давящийся булькаю-

щий рев, отрывистое низкое кряхтение, улюлюкающий хохот, свист и визг, призывное уханье и гулкая барабанная дробь.

Тощий чернобородый заключенный спустился из похожей хижины на другом дереве. Целенаправленной походкой он приблизился к воротам частокола, ведущим на внутренний участок. Просунув руку в отверстие, он отодвинул засов с другой стороны – ворота открылись. Оказавшись внутри, чернобородый субъект прошел к ближайшему сараю, пригнулся и исчез внутри. «Странно!» – подумал Глоуэн.

Теперь, когда не мешал ливень, он мог рассмотреть площадку за частоколом во всех подробностях. Ничего нового и достопримечательного он, однако, не увидел – за исключением приземистого строения слева, в самой высокой точке края кальдеры. По мнению Глоуэна, в этом сооружении должна была находиться радарная установка системы предупреждения о приближении летательных аппаратов. В окнах постройки не было никаких признаков движения; по-видимому, установка функционировала автоматически. Глоуэн внимательно изучил всю кальдеру. По сведениям Флоресте, где-то здесь были спрятаны пять автолетов – а может быть и больше. Глоуэна не удивлял тот факт, что он не видит ничего, что напоминало бы мастерские или ангары. Сарай, частокол и хижины заключенных трудно было случайно заметить с воздуха – по своей расцветке и текстуре они практически сливались с ландшафтом. Но автолеты, естественно, были замаскированы. Где и каким образом?

Глоуэн заметил в западной, повышающейся части кальдеры выпуклость подозрительно правильной формы – там вполне могло находиться подземное хранилище, тщательно замаскированное сверху песком и камнями. Как если бы для того, чтобы подтвердить правильность его гипотезы, на западном краю кальдеры появились два человека, быстро прошедшие в приземистую постройку, где, по предположению Глоуэна, находилась радарная установка. Судя по походке и телосложению, эти двое не были йипами. Пока Глоуэн ожидал дальнейших событий, с противоположного края кальдеры спустились четыре йипа, направившиеся к тому сараю, где скрылся чернобородый заключенный. На ремнях этих йипов висели кобуры, хотя они явно не обращали внимания на заключенных за частоколом.

Прошло еще полчаса. Два незнакомца не выходили из приземистого здания на вершине. Четыре йипа вернулись из сарая той же дорогой, которой пришли, и скрылись за краем кальдеры.

Наконец двое, остававшиеся на наблюдательном посту, спустились к центральному пруду и остановились, глядя куда-то в небо в северном направлении.

Еще через несколько минут на севере показался низко летящий автолет. Он приземлился на площадке у пруда. Из него вышли два человека – йип и еще один, худощавый и темнокожий, с коротко подстриженной темной бородкой. Эти двое вывели из автолета третьего человека с руками, связанными за спиной, и мешком на голове. К трем прибывшим присоединились двое, вышедшие из здания радарной установки; все пятеро направились к самому большому сараю, причем пленник безутешно волочил ноги, а идущий рядом йип подталкивал его.

Через полчаса йип и темнокожий человек с бородкой вышли из сарая, сели в автолет и улетели на север. Оставшиеся два тюремщика вывели пленника из сарая, провели его вверх по кальдере к западному краю и скрылись за скальными выступами.

Глоуэн подождал еще полчаса. Из ближайшего сарая, где, по предположению Глоуэна, должна была находиться кухня, появился изможденный черноволосый заключенный – по всей вероятности, он выполнял обязанности повара. Он вынес через ворота, на окружающую частокол территорию, несколько ведер. Поставив ведра на грубо сколоченный стол рядом с воротами, он три раза ударил по столу палкой – своего рода сигнал. Заключенные стали собираться у стола, держа в руках жестяные миски. Повар наполнил миски из ведер, после чего вернулся на кухню, закрыв за собой ворота.

Через пять минут повар появился снова; на этот раз он нес два ведра поменьше. Эти ведра он отнес на вершину кальдеры – туда, куда отвели пленника с мешком на голове – и скрылся за первым скальным уступом. Еще через пять минут он вернулся в кухонный сарай.

Сгущались сумерки. Из-за высокого западного края кальдеры парами и группами по три человека стали спускаться другие обитатели Шатторака. Всего Глоуэн насчитал девять или десять фигур – становилось темно. Поужинав в кухонном сарае, они возвращались туда, откуда пришли.

Сирена опустилась за горизонт; Лорка и Синг подсвечивали болота и джунгли розовым заревом, внезапно погасшим, когда тучи снова затянули небо, и снова ливень забарабанил по склонам вулкана. Глоуэн тут же спустился из своего наблюдательного пункта, пробежал к соседнему дереву, забрался в другую хижину на ветвях и притаился.

Через полчаса дождь кончился так же внезапно, как и начался. Наступила тягостная тишина; тьма нарушалась лишь несколькими тускло-желтыми огнями за частоколом и тремя фонарями, установленными на частоколе – они освещали занятую хижинами часть наружной полосы. Худосочный обросший повар вышел из кухонного сарая, приблизился к воротам, открыл их, постоял несколько секунд, чтобы убедиться в отсутствии хищников, закрыл за собой ворота и быстро прошел к дереву, на котором ютилась его хижина. Поднявшись по лестнице, он протиснулся в отверстие небольшого крыльца перед хижинкой, опустил на это отверстие плетеную крышку и надежно привязал ее к прутьям. Повернувшись, чтобы залезть в хижину, он замер.

«Заходите. Говорите как можно тише», – произнес Глоуэн.

Повар сдавленно спросил дрожащим тенором: «Кто вы такой?» Нервно вздохнув, он спросил громче, более резким тоном: «Что вам нужно?»

«Заходите, я все объясню».

Неохотно, шаг за шагом, повар приблизился, но остановился, пригнувшись в дверном проеме. Бледный свет фонарей частокола отбрасывал глубокие тени на его длинном лице. Повар повторил, пытаясь придать своему голосу твердость: «Кто вы такой?»

«Мое имя вам ничего не скажет, – ответил Глоуэн. – Я пришел за Шардом Клаттоком. Где он?»

Повар помолчал, сохраняя полную неподвижность, после чего ткнул большим пальцем в сторону частокола: «Внутри».

«Почему внутри?»

«Ха! – с язвительной горечью воскликнул обросший заключенный. – Когда кого-нибудь хотят наказать, его сажают в крысиное гнездо».

«Как выглядит крысиное гнездо?»

Физиономия повара сморщилась – глубокие тени на ней сместились, изменили форму: «Квадратная яма трехметровой глубины, шириной метра полтора, запертая сверху железной решеткой, не защищенная ни от солнца, ни от дождя. Клатток еще жив».

Несколько секунд Глоуэн не мог ничего сказать. Наконец он спросил: «А вы кто такой? И что вы тут делаете?»

«Я здесь не по своей воле, уверяю вас!»

«Вы не ответили на мой вопрос».

«Какая разница? Все равно это ничему не поможет. Меня зовут Каткар, я натуралист из Стромы. Каждый день становится все труднее помнить, что на свете есть какие-то другие места».

«Почему вас привезли на Шатторак?»

Каткар издал гортанный, недоуменно-насмешливый звук: «Почему, почему! Я не пришел ко двору его величества умфо, и со мной сыграли жестокую шутку. Привезли сюда и ска-

зали: „Выбирай, что ты хочешь делать: работать на кухне или гнить в яме?“ – голос Каткара зазвенел от обиды. – Просто невероятно!»

«Спору нет – в то, что происходит в Йиптоне, поверить трудно. Но давайте сосредоточимся на том, что происходит здесь и сейчас. Как лучше всего вызволить Шарда Клаттока из ямы?»

Каткар начал было протестовать, но передумал и промолчал. Через несколько секунд он снова заговорил, но уже другим тоном и наклонив голову набок: «Вы намерены, насколько я понимаю, освободить Шарда и увезти его?»

«Намерен».

«Как вы проберетесь через джунгли?»

«Внизу нас ожидает автолет».

Каткар потянул себя за бороду: «Опасное дело. Того и глядишь, все мы кончим свои дни в крысином гнезде».

«Такая вероятность существует. Но прежде всего я убью каждого, кто попытается мне помешать – или поднять тревогу».

Каткар дернул головой, поморщился, бросил тревожный взгляд через плечо и тихо, осторожно пробормотал: «Если я вам помогу, вы должны взять меня с собой».

«Разумное условие».

«Вы обещаете?»

«Можете на меня рассчитывать. Крысиные норы охраняются?»

«Никто ничего не охраняет, но все за всеми следят. Места мало, ни от кого не укроешься. У всех нервы на пределе, люди срываются. Я видел такое, что лучше не рассказывать».

«Когда лучше всего приступить к делу?»

Каткар поразмышлял немного: «В том, что касается крысиной норы, одно время ничем не лучше другого. Часа через полтора из леса начнут выходить глаты, и тогда уже никто носа не высунет. Глаты сливаются с тенями. Никогда не знаешь, что они близко – а если знаешь, уже поздно».

«В таком случае отправимся за Шардом сейчас же».

И снова Каткар почему-то поморщился и бросил взгляд через плечо. «Ждать, действительно, нет никаких причин», – безрадостно подтвердил он. Повернувшись, Каткар осторожно вышел на маленькое крыльцо: «Нельзя, чтобы нас заметили. Все начнут кричать от зависти и раздражения». Он посмотрел на хижины справа и слева – ничто не шелохнулось, все входы были плотно закрыты. Сплошные тучи полностью заслонили звезды, темный влажный воздух насыщали запахи тропической растительности. Тусклые фонари частокола создавали длинные, совершенно черные тени. Слегка приободрившись, Каткар спустился по лестнице; Глоуэн не отставал.

«Быстро! – прошептал Каткар. – Бывает, что глаты выходят рано. У вас есть пистолет?»

«Разумеется».

«Держите его наготове». Пригнувшись, на полусогнутых ногах, Каткар подбежал к воротам частокола, просунул руку в отверстие и отодвинул засов. Открыв ворота лишь настолько, чтобы просунуть голову, Каткар заглянул внутрь и, обернувшись, сказал хриплым шепотом: «Никого, кажется, нет. Пойдем, ямы у той скалы слева». Крадучись, он стал пробираться вдоль частокола, и уже на расстоянии нескольких шагов будто исчез на фоне шестов и оплетки из лиан. Глоуэн поспешил за ним; вскоре они уже притаились в глубокой тени под скальным уступом. «Это было опаснее всего, – заметил Каткар. – Нас кто-нибудь мог заметить из верхних шалашей».

«Где крысиные норы?»

«Рядом, чуть выше, за выступом скалы. Теперь лучше всего двигаться на четвереньках».

Каткар пополз, стараясь не пересекать освещенные участки. Глоуэн последовал его примеру. Каткар внезапно замер и плашмя прижался к земле. Глоуэн застыл рядом с ним: «Что такое?»

«Слышите?»

Глоуэн прислушался, но не различил ни звука.

«Голоса!» – прошептал Каткар.

Глоуэн снова прислушался; теперь ему показалось, что издали доносится приглушенный разговор. Через некоторое время голоса смолкли.

Каткар снова пополз вперед, держась в тени и почти не отрываясь от земли. Он остановился, приподнявшись на руках лицом к земле, и тихо позвал: «Шард Клатток! Вы меня слышите? Шард! Шард Клатток!»

Из ямы прозвучал хриплый ответ. Глоуэн подполз ближе и нащупал руками горизонтальные прутья решетки: «Папа? Это я, Глоуэн!»

«Глоуэн! Кажется, я еще жив».

«Я тебя увезу, – Глоуэн обернулся к Каткару. – Как поднять решетку?»

«Она прижата камнями по углам. Отодвиньте камни».

Перемещаясь на ощупь вдоль прутьев решетки, Глоуэн нашел пару тяжелых камней и сдвинул их в сторону. Каткар сделал то же с другой стороны. Вдвоем они подняли решетку и осторожно положили ее на песок. Глоуэн опустил руку в яму: «Хватайся!»

Его запястье обхватила пара рук; Глоуэн напрягся и потянул отца к себе – Шард Клатток вылез из ямы. «Я знал, что ты придешь. Надеялся дожить», – выдохнул Шард.

Каткар вмешался напряженным шепотом: «Быстрее! Нужно положить решетку на место и придавить камнями, чтобы никто ничего не заметил».

Они закрыли «крысиную нору» решеткой и придавили ее углы камнями. Все трое поползли прочь: впереди Каткар, за ним Шард и Глоуэн. В тени каменного уступа они остановились, чтобы перевести дух и оценить обстановку. Шард повернул голову, его лицо озарилось тусклым светом фонаря. Глоуэн не мог поверить своим глазам – на него смотрел призрак, похожий на мумию. Глаза Шарда ввалились, кожа натянулась так, что можно было заметить все неровности черепа. Шард угадал мысли сына и нервно оскалился: «Надо полагать, я сегодня плохо выгляжу».

«Хуже не бывает. Ты можешь идти?»

«Могу. Как ты узнал, где меня найти?»

«Долгая история. Я прилетел на Кадуол всего лишь неделю тому назад. Информацию предоставил Флоресте».

«Придется поблагодарить Флоресте».

«Слишком поздно! Его казнили».

«Теперь к воротам! – вмешался Каткар. – Прижимайтесь к частоколу».

Бесшумно, как мелькающие на фоне бамбуковых шестов тени, все трое беспрепятственно вернулись к воротам и выскользнули за частокол, где ночной ветер печально шумел в кронах бочкоствольных деревьев. Каткар внимательно осмотрелся и подал знак рукой: «Быстро, к дереву!» Длинными мягкими прыжками он подбежал к дереву и стал подниматься по лестнице. За ним, чуть спотыкаясь, поспешил Шард. Последним у лестницы оказался Глоуэн. Каткар уже взобрался на крыльцо и обернулся: Шард поднимался медленно, с трудом переставляя ноги. Каткар протянул руку в отверстие и вытащил Шарда на крыльцо, после чего тревожно позвал Глоуэна: «Спешите! Дыбоног нас почует!»

Как только Глоуэн вскарабкался на крыльцо, Каткар захлопнул плетеную крышку и встал на нее. Что-то с треском ударилось в пол хижины снизу, раздалось громкое шипение; крыльцо опасно покачнулось. Глоуэн повернулся к Каткару: «Застрелить его?»

«Ни в коем случае! К падали сбежится всякая мразь. Он сам уйдет. Заходите внутрь».

Усевшись в хижине, все трое приготовились ждать. Тусклый свет фонарей проникал через щели в стенах хижины – и снова Глоуэна поразило невероятно исхудавшее лицо отца: «Я недавно вернулся на станцию – мне еще придется многое тебе рассказать. Никто не знал, где ты, и что с тобой случилось. То есть Флоресте знал, но тянул до последней минуты. Я прилетел, как только получил необходимые сведения и собрал оборудование. Жаль, что никто ничего не сделал раньше».

«Но ты пришел – я знал, что ты придешь».

«Что с тобой случилось?»

«Меня заманили в ловушку. В очень хорошо подготовленную, продуманную ловушку. Кто-то на станции меня предал».

«Ты знаешь, кто?»

«Не знаю. Я вылетел в патруль, и над приборной полосой Мармиона заметил автолет, направлявшийся на восток. Я был уверен, что машина вылетела из Йиптона – у нас таких нет. Спустился ниже и стал следовать за нарушителем на большом расстоянии, чтобы меня не заметили.

Нарушитель продолжал двигаться на восток, обогнул холмы Текса Уиндома и полетел над Ивняковой пустошью. Там автолет описал полукруг и приземлился на небольшой поляне. На бреющем полете я стал искать удобное место для незаметной посадки. Собираясь задержать пилота и пассажиров и по возможности узнать, чем они занимаются. Примерно в километре к северу, за низким скальным гребнем, я нашел подходящую площадку. Там я приземлился, захватил оружие и отправился на юг, к скальному хребту. Дорога оказалась нетрудной – даже слишком легкой. Когда я повернул за очередной выступ скалы, на меня прыгнули три йипа. Они отняли у меня пистолет, связали мне руки и привезли меня, в моем же автолете, на Шат-торак. Все было сделано проворно и ловко, без лишних слов. На станции работает шпион или предатель, имеющий доступ к расписанию моих патрульных полетов».

«Его зовут Бенджами, – отозвался Глоуэн. – По меньшей мере, я так думаю. И что произошло потом?»

«Ничего особенного. Меня сбросили в яму, и в яме я оставался. Через два-три дня кто-то пришел на меня посмотреть. Не мог толком разглядеть эту фигуру – видел только силуэт на фоне полуденного солнца. Но голос! Я этот голос где-то слышал, я его ненавижу! Тягучий, противный, издевательский! Он сказал: „Шард Клатток, здесь тебе предстоит провести остаток твоей жизни. Таково твое наказание“. Я спросил: „Наказание – за что?“ „Что за вопрос! – ответил голос. – Подумай о том, сколько страданий ты причинил невинным жертвам!“ Я больше ничего не спрашивал – что я мог на это сказать? Посетитель ушел, и больше со мной никто не говорил».

«Кто, по-твоему, тебя навестил?» – спросил Глоуэн.

«Не знаю. Честно говоря, я мало об этом думал».

«Если хочешь, я расскажу, что случилось со мной, – сказал Глоуэн. – Это длинная история. Может быть, ты предпочитаешь отдохнуть?»

«Я только и делал, что отдыхал. Я умирал от отдыха».

«Ты голоден? У меня в рюкзаке есть походные рационы».

«Съел бы все, что угодно – только не здешнюю баланду».

Глоуэн вынул пакет с твердой копченой колбасой, сухарями и сыром и передал отцу: «А теперь – слушай, что случилось после того, как Керди Вук и я улетели с космодрома станции».

Глоуэн говорил целый час и закончил описанием завещания Флоресте: «Меня не удивило бы, если бы оказалось, что тебя приходила навестить Симонетта собственной персоной».

«Может быть. Голос был какой-то странный».

Начался ливень, грохотающий по крыше так, будто на нее валилась сплошная стена воды. Время от времени Каткар выглядывал из дверного проема. «Дождь не кончается дольше, чем обычно», – заметил он.

Шард мрачно рассмеялся: «Рад, что не сижу в яме! Приходилось часами стоять по пояс в воде».

Глоуэн обратился к Каткару: «Сколько там крысиных нор?»

«Три. До сих пор занята была только одна, Шардом Клаттоком. Но сегодня вечером привезли еще одного».

«Вы носили ему баланду – кто он?» – спросил Глоуэн.

Каткар неуверенно покачал в воздухе ладонью: «Я не обращаю внимания на такие вещи. Я только выполняю приказы, чтобы спасти свою шкуру – больше ничего».

«Тем не менее, вы, наверное, заметили заключенного».

«Да, я его видел», – признал Каткар.

«Продолжайте. Вы его узнали? Слышали его имя?»

Каткар отвечал исключительно неохотно: «Ну, если хотите знать, за ужином два йипа обсуждали его участь и очень веселились по этому поводу. Они упомянули его по имени».

«И как его зовут?»

«Чилке».

«Что? Чилке – здесь, в яме?»

«Да, именно так».

Глоуэн поднялся и выглянул из двери. Ливень мешал разглядеть что-либо, кроме смутных ореолов фонарей на частокоче. Вспомнив о Бодвине Вуке и его знаменитой предусмотрительности, Глоуэн оценил риск, стараясь не поддаваться эмоциям – но колебался меньше минуты. Передав один из пистолетов Шарду, он сказал: «Ниже по склону, за первым оврагом, я оставил гусеничный вездеход. Прямо за ним – заметное огнемечное дерево. У подножия вулкана, там, где его огибает излучина реки, ты найдешь автолет. В том случае, если я не вернусь».

Шард молча взял оружие. Глоуэн подал знак Каткару: «Пошли!»

Каткар отступил на шаг и возмутился: «Нельзя испытывать удачу слишком часто! Разве вы не понимаете? Побеспокойтесь о себе, жизнь и так достаточно коротка. Нужно идти вперед, а не возвращаться за упущенными возможностями. Неровен час, всех нас засунут в крысиные норы!»

«Пошли!» – повторил Глоуэн и стал спускаться по лестнице.

«Подождите! – закричал Каткар. – Там хищники!»

«Слишком сильный дождь, – отозвался Глоуэн. – Я их не вижу, они меня – тоже».

Бормоча проклятия, Каткар тоже спустился по лестнице: «Это глупо, безрассудно!»

Глоуэн не обращал внимания. Нырнув в каскад воды, он подбежал к воротам. Каткар спешил за ним, продолжая жаловаться, но ливень заглушал его восклицания. Открыв ворота, они снова проникли внутрь.

Каткар прокричал Глоуэну на ухо: «Во время дождя иногда включают датчик перемещения. Лучше всего действовать так же, как раньше. Вы готовы? Налево, к скале!»

Крадучись, они быстро пробрались вдоль частокоча к каменному уступу, обливаемые шумным, теплым душем с неба. Под уступом они задержались. «Теперь ползком! – кричал Каткар. – Как раньше! Не отставайте, или вы меня потеряете». На четвереньках, увязая в грязи, они поспешили вверх мимо первой «крысиной норы» и, обогнув очередной скальный уступ, спустились в узкую ложбину. Каткар остановился: «Здесь!»

Глоуэн нащупал решетку и позвал, обращаясь к темному провалу: «Чилке! Ты здесь? Ты меня слышишь? Чилке!»

Снизу донесся голос: «Кому нужен Чилке? Не беспокойтесь, от меня вы ничего не дождетесь».

«Чилке! Это Глоуэн! Встань, я тебя вытащу».

«Я уже стою – чтобы не утонуть».

Глоуэн и Каткар отодвинули решетку и вытащили Чилке из ямы.

«Приятный сюрприз!» – заявил Чилке.

Решетку установили на прежнем месте; все трое поползли к частоколу, пробежали, пригибаясь, к воротам и выскользнули наружу. На какое-то мгновение, казалось, ливень утих. Каткар взгляделся в темноту и предупреждающе зашипел: «Глат! Уже подбирается! Быстро, к дереву!»

Втроем они пробежали к дереву и взобрались по лестнице. Каткар успел привязать заслонку к крыльцу прежде, чем что-то тяжелое потянуло лестницу так, что крыльцо прогнулось.

Каткар обиженно обратился к Глоуэну: «Надеюсь, среди арестантов больше нет ваших друзей?»

Глоуэн проигнорировал его слова и спросил Чилке: «Как ты здесь очутился?»

«Все очень просто, – отозвался Чилке. – Вчера утром на меня напали два человека, надели мне на голову мешок, связали мне руки липкой лентой, засунули меня в наш новый автолет J-2 и поднялись в воздух. А потом я оказался здесь. Кстати, один из нападавших – Бенджами, я узнал сладковатый запах его помады для волос. Когда я вернусь на станцию, его придется уволить. Не заслуживающая доверия личность».

«Что случилось, когда тебя привезли?»

«Я слышал какие-то новые голоса. Кто-то отвел меня в сарай и сорвал мешок у меня с головы. Затем произошло несколько непонятных вещей; я все еще пытаюсь в них разобраться. В конце концов меня подвели к яме и столкнули вниз. Вот этот господин принес мне ведро каши. Он спросил, кто я такой, и предупредил, что пойдет дождь. Больше никто не приходил – пока я не услышал твой голос. Очень рад, что ты обо мне вспомнил».

«Странно!» – пробормотал Глоуэн.

«Что теперь?»

«Как только начнет рассветать, мы уходим. Вас не хватятся, пока охранники не придут завтракать и не обнаружат отсутствие Каткара».

Чилке пригляделся к сидевшему напротив тюремному повару: «Вас зовут Каткар?»

«Так меня зовут», – угрюмо откликнулся Каткар.

«Вы были правы насчет дождя».

«Необычно продолжительный ливень, – заметил Каткар. – Я здесь еще такого не видел».

«Сколько времени вы здесь пробыли?»

«Не слишком долго».

«Сколько?»

«Примерно два месяца».

«За что вас сюда отправили?»

Каткар ответил отрывисто и едко: «Не уверен, что сам понимаю, за что. По-видимому, я чем-то обидел Титуса Помпо. Нечто в этом роде».

«Каткар – натуралист из Стромы», – пояснил спутникам Глоуэн.

«Любопытно! – поднял голову Шард. – Каким образом вы познакомились с Титусом Помпо?»

«Это сложный вопрос. В данный момент обсуждать его бессмысленно».

Шард никак не отреагировал. Глоуэн спросил отца: «Ты устал? Хочешь спать?»

«Наверное, я выгляжу хуже, чем я себя чувствую, – ответил Шард, но голос его звучал слабо. – Пожалуй, попробую заснуть».

«Передай пистолет Чилке».

Шард передал оружие, пробрался к задней стене хижины, растянулся на полу и почти мгновенно забылся сном.

Ливень шумел то сильнее, то тише, замирая на несколько минут так, как если бы тучи рассеивались, и внезапно обрушиваясь на хижину с новой яростью. Каткар снова подивился: «Такого дождя еще не было!»

Чилке сказал: «Шард тоже провел здесь примерно два месяца. Кого привезли раньше – вас или Шарда?»

Каткар, по-видимому, не любил отвечать на вопросы. Он снова сказал резко и коротко: «Когда меня привезли, Шард уже сидел в яме».

«И никто вам не объяснил, почему вас сюда привезли?»

«Нет».

«У вас есть в Строне родственники или друзья? Они вас ищут?»

В голосе Каткара появилась явная горечь: «Есть. Но ищут ли они меня? Этого я не могу сказать».

Глоуэн спросил: «К какой партии вы принадлежали в Строне – хартистов или жмотов?»

Каткар с подозрением покосился на Глоуэна: «Почему вы спрашиваете?»

«Причина вашего пребывания на Шатторакке может быть связана с вашей партийной принадлежностью».

«Сомневаюсь».

«Если вы поссорились с Титусом Помпо, значит, вы скорее всего хартист», – заметил Чилке.

«Так же, как все прогрессивно настроенные обитатели Стромы, я поддерживаю идеалы партии жизни, мира и освобождения», – холодно произнес Каткар.

«Вот как! Очень интересно! – воскликнул Чилке. – Вас бросили в тюрьму ваши лучшие друзья и те, кого вы так пламенно защищаете – я имею в виду йипов».

«Несомненно, здесь какая-то ошибка, какое-то недоразумение, – пожал плечами Каткар. – Я не намерен придавать этому большое значение. Что было, то прошло».

«Может быть, жмотам свойственно абстрактное мышление и полное отсутствие злопамятности, – заметил Чилке. – Что касается меня, я жажду мести».

Глоуэн снова обратился к Каткару: «Вы знакомы со смотрительницей Клайти Вержанс?»

«Да, знаком».

«И с Джулианом Бохостом?»

«Его я тоже знаю. В свое время он считался влиятельным, подающим надежды политическим деятелем».

«Но больше не считается?»

Каткар отвечал нарочито размеренным тоном: «Я расхожусь с ним во мнениях по нескольким важным вопросам».

«Как насчет Левина Бардьюса? И молодой особы по имени Флиц?»

«Об этих людях я ничего не знаю. А теперь, если вы не возражаете, я попытаюсь немного отдохнуть», – Каткар пробрался к своей циновке.

Уже через несколько секунд ливень прекратился. Наступила тишина, нарушаемая лишь шлепками тяжелых капель, скатывавшихся по листьям дерева. В воздухе повисло напряжение неизбежности.

Небо раскололось фиолетово-белым сиянием. Прошла одна долгая секунда, другая – и ночь взорвалась громом, откатившимся вдаль с недовольным ворчанием. Джунгли ответили небу скрежетом и верещанием, гневными рыками и мычащими упреками.

Снова воцарились тишина и давящее ощущение неизбежности – небо рассекла вторая, длинная и ветвистая молния, на мгновение озарившая ослепительным сиреневым светом все

подробности тюремного лагеря. После второго удара грома ливень возобновился с прежней силой.

Глоуэн обратился к Чилке: «Ты сказал, что в сарае произошло что-то непонятное. Что именно?»

«Жизнь необычна сама по себе, – вздохнул Чилке. – Если смотреть на вещи с этой точки зрения, события в сарае могут показаться типичными и даже закономерными, хотя рядового обывателя они удивили бы чрезвычайно».

«Что случилось?»

«Прежде всего, йип в черной униформе снял мешок с моей головы. Я увидел стол, а на нем – аккуратно сложенную пачку документов. Йип приказал мне сесть, и я сел.

По-видимому, за мной кто-то наблюдал с помощью камеры, установленной напротив стола. Из динамика раздался голос: «Вы – Юстес Чилке, родившийся в Большой Прерии на Земле?»

«Да, – сказал я. – Так-то оно так, но позвольте спросить, с кем я разговариваю?»

Голос ответил: «В данный момент вы должны сосредоточить внимание исключительно на находящихся перед вами документах. Подпишите их там, где проставлена галочка».

Голос был резкий, искаженный электроникой и очень недружелюбный. Я сказал: «Надо полагать, не имеет смысла жаловаться на это похищение, представляющее собой вопиющее нарушение закона».

Голос ответил: «Юстес Чилке, вас привезли сюда по уважительной причине и с важной целью. Подпишите документы и не теряйте время!»

Я сказал: «Похоже, что я говорю с мадам Зигони – только с тех пор ваш голос стал еще противнее. Где деньги? Вы мне должны за шесть месяцев работы».

Голос настаивал: «Немедленно подпишите бумаги, или хуже будет!»

Я просмотрел документы. Первый передавал все мое имущество, без каких-либо исключений или оговорок, Симонетте Зигони. Второе письмо уполномочивало его предъявителя, кто бы он ни был, получить мое имущество. Третий документ, мне понравился меньше всего – это было завещание, назначавшее моей единственной наследницей и душеприказчицей опять же мою дражайшую подругу Симонетту Зигони. Я пытался протестовать. Я пытался тянуть время. «Если не возражаете, я хотел бы подумать, – сказал я. – Предлагаю вернуться на станцию Араминта и обсудить этот вопрос, как полагается в благовоспитанном обществе».

«Если вы дорожите своей жизнью, – откликнулся голос, – подписывайте!»

Никакие доводы на эту женщину не действовали. «Я подпишу, если вам так не терпится, – сказал я. – Но учитывайте, что мое имущество по сути дела сводится к той одежде, которая на мне».

«Вы забываете о редкостях, унаследованных вами от деда».

«Никаких редкостей там нет. Набитое чучело лося уже наполовину облезло. Небольшая коллекция минералов – буквально кусочки гравия с десятков разных планет. Несколько безделушек, пара ваз из лилового стекла. И еще какое-то барахло на полу в сарае. А, еще я помню довольно красивое чучело филина, с мышью в клюве!»

«Что еще?»

«Трудно сказать – грабители основательно прочесали содержимое сарая, и мне даже стыдно предлагать вам оставшееся».

«Обойдемся без дальнейших задержек. Подпишите бумаги и больше не мешкайте».

Я подписал три документа, после чего голос сказал: «Юстес Чилке, вы спасли себе жизнь, остаток которой вы проведете в размышлениях о своих издевательских манерах и насмешливом высокомерии, о своем оскорбительном невнимании к чувствам тех, кто мог бы вступить с вами в дружеские отношения».

Насколько я понимаю, мадам Зигони ссылалась на мое прохладное отношение к ее авансам в те дни, когда я занимал должность управляющего ранчо «Тенистая долина». Я сказал ей, что мог бы извиниться, если бы это чему-нибудь помогло, но она заявила, что время для извинений прошло, и что мне уже не избежать судьбы. Меня вывели наружу и столкнули в яму, где я сразу же погрузился в покаянные размышления. Уверю тебя, мне было очень приятно услышать твой голос!»

«Ты не имеешь никакого представления о том, что именно она ищет?» – спросил Глоуэн.

«Надо полагать, какая-то из безделушек, оставшихся от деда Суэйнера, гораздо дороже, чем я предполагал. Жаль, что он не успел мне об этом сообщить».

«Кто-то должен что-то знать. Кто?»

«Гм. Трудно сказать. Суэйнер заключал сделки с самыми странными людьми – старьевщиками, ворами, антикварами, книготорговцами. Помню одного типа – он был приятелем, коллегой, конкурентом и сообщником деда одновременно. По-моему, они оба состояли членами Общества натуралистов. Этот тип отдал деду Суэйнеру коробку со старыми книгами и бумагами в обмен на набор перьев экзотических птиц и три маски погибших душ в стиле „пан-данго“. Если кого-то нужно расспросить о делишках покойного Суэйнера, трудно придумать кандидата лучше этого его приятеля».

«Где его найти?»

«Кто знает? Он попал в какую-то переделку в связи с незаконным гробокопательством и бежал с Земли. Его ищет полиция».

Обернувшись без очевидной причины, Глоуэн заметил бледное бородатое лицо Каткара – гораздо ближе, чем раньше. Было очевидно, что жмот из Стромы внимательно прислушивался к разговору.

По крыше забарабанил еще один ливень, продолжавшийся до тех пор, пока намек на влажные серые сумерки не оповестил о приближении рассвета.

Свет просачивался в небо, и стала видна вся полоса за частоколом. Четверо беглецов спустились из древесной хижины и стали пробираться вниз по склону через джунгли, обливавшие их потоками воды при каждом прикосновении к листу или стволу. Глоуэн шел впереди, за ним следовал Чилке – оба держали пистолеты наготове. Вскоре они прибыли к заросшему оврагу, но ложбина заполнилась сточной водой по пояс; перейти ее вброд было невозможно в связи с присутствием стремительно плававших в воде зубощелков. Глоуэн выбрал дерево повыше и срезал его лучом из пистолета так, чтобы оно упало поперек ложбины; образовался скользкий узкий мост.

Беглецы нашли гусеничный вездеход там, где его оставил Глоуэн. Кое-как разместившись вчетвером на небольшой машине, они начали спускаться по склону – потихоньку, чтобы не сползти по мокрой почве и не потерять управление. Почти сразу же на них напала бежавшая на перепончатых лапах тварь шестиметровой длины с восемью бешено стучащими жвалами и загнутым над головой длинным хвостом, позволявшим ей опрыскивать жертву ядовитой жидкостью. Чилке удалось пристрелить ее, пока она прицеливалась в них хвостом; тварь упала набок, скрежеща жвалами и мотая в воздухе хвостом, испускавшим темную струю.

Еще через несколько секунд Глоуэн остановил машину, чтобы выбрать дорогу, и в тишине из подлеска донесся какой-то зловещий звук. Шард встрепенулся; взглянув вверх, Глоуэн увидел треугольную голову не меньше двух метров в поперечнике, будто расколотую пополам огромной зубастой пастью, опускавшейся сквозь листву на конце длинной, дугообразно выгнутой шеи. Глоуэн машинально выстрелил прямо в раскрытую пасть. Обугленная голова взметнулась в небо, и в следующий момент в заросли с треском повалилась массивная туша.

С грехом пополам Глоуэну удавалось спускаться на вездеходе примерно тем путем, каким он поднялся. Постепенно склон становился более пологим, и через тропическую листву нако-

нец стало проглядывать небо. Вездеход с плеском переезжал протоки речной воды между слизистыми отмелями. Издалека за продвижением незнакомцев по болоту наблюдала группа грязешлепов, улюлюкавших и пронзительно чирикавших. Вода становилась глубже – вездеход терял сцепление с илистой грязью, всплывая на поверхность заводей, поросших медленно кружащейся ряской.

Глоуэн остановил вездеход, повернулся к трем спутникам и указал на скопление торчащих из реки дендронов: «Здесь я привязал автолет к одному из стволов. Во время ночной грозы это губчатое бревно, наверное, оторвалось от дна и уплыло вместе с машиной».

«Плохо дело, – пробормотал Чилке, глядя на восток, где сливались с болотами излучины вышедшей из берегов реки. – Я замечаю много коряг и упавших деревьев, но автолета не видно».

Каткар уныло застонал: «В тюрьме было безопаснее».

«Если вам так понравилась тюрьма, никто не запрещает вам туда вернуться», – отозвался Глоуэн.

Каткар промолчал.

Чилке задумчиво сказал: «Если бы у меня были инструменты и кое-какие материалы, я мог бы соорудить радиопередатчик. Но у нас ничего такого нет».

«Катастрофа! – жалобно воскликнул Каткар. – Мы погибли!»

«Не надо преувеличивать», – заметил Шард.

«Почему вы считаете, что я преувеличиваю?»

«Здесь очень медленное течение, не больше пяти километров в час. Если дерево упало посреди ночи – скажем, шесть часов тому назад – его унесло вниз по течению не больше, чем на тридцать километров. Вездеход может плыть со скоростью девять-десять километров в час. Значит, если мы поспешим вниз по течению, на полном ходу мы догоним бревно и привязанный к нему автолет через три-четыре часа».

Без лишних слов Глоуэн включил двигатель и направил вездеход вниз по реке.

Вездеход плыл по пылающему отражениями, удушливо жаркому пустынному речному простору, настолько насытившему воздух испарениями, что дыхание затруднялось и каждое движение казалось героическим усилием. По мере того, как Сирена поднималась к зениту, жара и ослепительный блеск воды начинали причинять ощутимую боль. Пользуясь плавающими ветками и листьями покрупнее, Глоуэн и Чилке соорудили нечто вроде навеса над сиденьями вездехода, предварительно стряхнув цеплявшихся за листья насекомых и мелких змей. Навес принес значительное облегчение. Время от времени из воды высывались громадные головы и зрительные органы на стеблях, явно рассматривавшие появление вездехода в качестве приглашения к завтраку – для того, чтобы избежать внезапного и сокрушительного нападения, здесь приходилось сохранять постоянную бдительность.

Три часа вездеход спускался по течению, перебирая гусеницами в воде – мимо проплыли десятки коряг и упавших деревьев, гниловатые скопления переплетенных остатков растительности, поросли плавучего тростника. Внимательные и тревожные поиски, однако, ни к чему не приводили – «Скайри» не показывался. Наконец Каткар спросил: «Что, если мы проплывем еще два часа, и все равно не найдем автолет?»

«Тогда нам придется здорово поломать голову», – ответил Чилке.

«Я уже три часа ломаю голову! – раздраженно заявил Каткар. – В сложившихся обстоятельствах, как мне кажется, голова совершенно бесполезна».

Река становилась шире. Глоуэн держался ближе к левому берегу, чтобы ни в коем случае не пропустить автолет; размытая полоска правого берега уже почти скрывалась в дымке испарений.

Прошел еще час. Впереди появилось белое пятнышко: «Скайри». Глоуэн глубоко вздохнул, откинувшись на спинку сиденья; у него будто гора свалилась с плеч – накатил волна

эйфорической расслабленности, на глаза навернулись слезы благодарности благожелательной судьбе.

Шард обнял Глоуэна за плечи: «Не могу найти слов...»

«Не торопитесь радоваться, – предупредил их Чилке. – Похоже на то, что на борту пираты».

«Грязешлепы!» – возмущенно сказал Глоуэн.

Вездеход приближался к автолету. Захваченное каким-то завихрением течения бревно, к которому был пришвартован «Скайри», уткнулось в грязевую отмель и застряло. Несколько грязешлепов, заинтересованных невиданной штуковиной, принесенной течением, прошлепали по воде, разбежавшись на отмели, пробрались к автолету через заросли тростника и теперь сосредоточенно сталкивали дротиками в воду оставленный Глоуэном на палубе мешок с частью вонючей туши.

Ленивый порыв ветерка донес до вездехода отвратительное зловоние, заставившее Чилке удивленно выругаться: «Это еще что?»

«Пахнет от мешка с куском местного животного, – пояснил Глоуэн. – Я его оставил на палубе, чтобы отпугивать грязешлепов». Взобравшись на носовую часть вездехода, Глоуэн стал размахивать руками: «Пошли вон! Кыш! Кыш!»

В ответ грязешлепы яростно завизжали и принялись бросаться комьями грязи. Глоуэн прицелился в дерево и отстрелил огромный сук. Грязешлепы разбежались с испуганными воплями, высоко вскидывая колени и с невероятной частотой молотя подошвами по воде и отмелям. Остановившись на безопасном расстоянии, они возобновили обстрел грязью, но без особого успеха.

Три беглеца и Глоуэн взобрались на палубу автолета. Выплеснув несколько ведер воды, Глоуэн попытался приглушить навязчивый запах, которым, казалось, пропиталась вся машина, и смыть мусор, оставленный грязешлепами. Вездеход затащили на борт и привязали. «Прощай, Вертес! – пробормотал Глоуэн, глядя на реку. – Мне больше от тебя ничего не нужно». Взявшись за штурвал, он приподнял машину в воздух на несколько метров и полетел вниз по течению.

В сумерках все четверо закусили оставшимися у Глоуэна припасами. Река становилась все шире и незаметно влилась в морскую гладь. Лорка и Синг скрылись за горизонтом – «Скайри» летел над Западным океаном черной тенью под блесками звезд.

Глоуэн обратился к Каткару: «Мне все еще не совсем понятно, почему вас отправили на Шатторак. Надо полагать, вы чем-то досадили Смонни, потому что Титус Помпо как таковой практически ничего не значит».

«Этот вопрос закрыт, – холодно ответил Каткар. – Я больше не желаю его обсуждать».

«Тем не менее, нам всем хотелось бы узнать подоплеку этого дела, а сейчас у вас более чем достаточно времени для того, чтобы посвятить нас во все подробности».

«Как бы то ни было, это мое личное дело», – отозвался Каткар.

«Не думаю, что в сложившихся обстоятельствах вы можете рассчитывать на конфиденциальность, – осторожно заметил Шард. – Всех нас, так или иначе, глубоко задевает происходящее, и у нас есть основания интересоваться тем, что вы могли бы рассказать».

«Должен заметить, что и Глоуэн, и Шард работают в отделе В, – вмешался Чилке, – в связи с чем их желание разобраться в вашей истории нельзя назвать праздным любопытством. Я тоже хотел бы знать, каким образом можно было бы рассчитаться с Симонеттой – и с Наму-ром, и с Бенджами – со всеми, кому казалось, что меня можно безнаказанно сажать в яму!»

«Меня тоже возмущает такое обращение, – добавил Шард, – хотя я стараюсь сдерживаться. Бессильная ярость ничему не поможет».

«Принимая во внимание все „за“ и „против“, – заключил Глоуэн, – лучше всего было бы, если бы вы рассказали нам то, что знаете».

Каткар упрямо молчал. Глоуэн попробовал разговорить его: «Вы были активистом партии ЖМО в Строне. Как вы познакомились с Симонеттой Клатток – или с мадам Зигони – как бы она себя не называла?»

«В этом нет никакой тайны, – полным достоинства тоном ответил Каткар. – Нашу партию беспокоят условия, сложившиеся в Йиптоне; мы хотим, чтобы Кадуол пробудился от тысячелетнего сна и шагнул в ногу с современностью».

«Понятно. И поэтому вы поехали в Йиптон?»

«Само собой. Я хотел убедиться в происходящем собственными глазами».

«Вы поехали в одиночку?»

Каткар снова начал раздражаться: «Какая разница, с кем я туда поехал?»

«Назовите ваших спутников – в противном случае мы не сможем понять, имеет ли это какое-то значение».

«Я поехал с делегацией из Стромы».

«Кто еще входил в состав этой делегации?»

«Несколько членов партии ЖМО».

«В том числе смотрительница Клайти Вержанс?»

Каткар долго молчал – секунд десять, после чего приподнял руки в жесте неохотного подчинения судьбе: «Если хотите знать – да!»

«И Джулиан?»

«Разумеется, – презрительно хмыкнув, кивнул Каткар. – Джулиан полон энергии и настойчив. Некоторые даже называют его нахалом, хотя я предпочел бы не прибегать к такому выражению».

«Мы умеем держать язык за зубами и не станем передавать ваше мнение Джулиану Бохосту, – усмехнулся Шард. – Так что же случилось в Йиптоне?»

«Вы должны понять, что, хотя необходимость прогрессивного развития единодушно и единогласно признается всеми сторонниками партии ЖМО, по вопросу о том, в каком именно направлении должно осуществляться это развитие, существуют несколько принципиально отличающихся мнений. Смотрительница Вержанс придерживается одного мнения, а я – другого, в связи с чем наши совещания не всегда носят гармоничный характер».

«Чем отличаются ваши взгляды?» – спросил Глоуэн.

«Главным образом тем, чему следует уделять основное внимание. Я выступаю за формирование хорошо продуманной структуры руководства нового Кадуола и тщательно разработал соответствующую систему. Боюсь, что Клайти Вержанс несколько непрактична и представляет себе новое общество как некое сборище счастливых крестьян, рассматривающих тяжелый труд как священный долг и каждый вечер празднующих окончание рабочего дня с песнями, плясками и звоном бубнов на центральной площади идиллического поселка. Каждый будет сказателем или музыкантом, каждый приобщится к радости творчества, изготавливая чудесные поделки. Как будет управляться эта новая община? Смотрительница Вержанс придерживается принципа, согласно которому каждый, кому не лень, стар и млад, мужчины и женщины, болваны и мудрецы, смогут на равных правах обсуждать общественные вопросы на сходках и с радостными возгласами одобрения принимать наилучшие решения, ни у кого не вызывающие никаких возражений. Короче говоря, Клайти Вержанс выступает за самую примитивную и бесформенную демократию в чистом виде».

«Как насчет аборигенов, местной фауны? Что будет с ними?» – поинтересовался Глоуэн.

«Дикие животные? – беззаботно отмахнулся Каткар. – Они мало интересуют госпожу Вержанс. Им придется приспособливаться к новому мировому порядку. Самых неприятных и опасных тварей выгонят куда-нибудь подальше или уничтожат».

«Но вы придерживаетесь другой точки зрения?»

«Совершенно верно! Я призываю к созданию централизованной структуры, уполномоченной формулировать политику и выносить постановления».

«Таким образом, вы и смотрительница Вержанс решили до поры до времени забыть о ваших разногласиях и вместе отправились в Йиптон?»

Каткар поджал губы, скорчив язвительную гримасу – не то усмехаясь, не то оскалившись: «Увеселительную поездку в Йиптон предложил не я. Не знаю, кому первому пришла в голову эта идея – подозреваю, что Джулиану. Он вечно плетет всякие интриги, и чем больше запутывается их клубок, тем больше он чувствует себя в своей тарелке. Именно он советовался с неким Намуром во время своего визита на станцию Араминта, а затем поделился мыслями с Клайти Вержанс. Так или иначе, поездку запланировали. Когда я понял, куда дует ветер, я настоял на том, чтобы меня включили в состав делегации, чтобы моя точка зрения не осталась без внимания.

Мы полетели в Йиптон. Я ничего не знал о Симонетте и о том положении, которое она занимает. Я полагал, что мы будем совещаться с Титусом Помпо, но к своему величайшему изумлению обнаружил, что интересы йипов представляет Симонетта! Ни Джулиан, ни Клайти Вержанс не выразили никакого удивления по этому поводу – можно не сомневаться в том, что Намур заранее предупредил их о том, чего следует ожидать. Меня же оставили в полном неведении. Естественно, я был возмущен таким нарушением дипломатического этикета и без обиняков выразил свое недовольство при первой возможности.

В любом случае, Намур провел нас в помещение с бамбуковой циновкой на полу, со стенами из расщепленного бамбука и с резным деревянным потолком прекрасной, тонкой работы, явно привезенным контрабандой с континента. Нам пришлось ждать пятнадцать минут, прежде чем Симонетта сооблаговолила показаться – невнимательность, вызвавшая у смотрительницы Вержанс, насколько я заметил, очередной приступ раздражения.

Как я уже сказал, когда до общения с нами снизошла Симонетта, я был неприятно поражен. Я ожидал увидеть Титуса Помпо – серьезного, справедливого, полного достоинства правителя. Вместо него в помещение зашла крупная, нескладная женщина, мускулатурой не уступающая смотрительнице Вержанс. Должен заметить, что Симонетта выглядит очень странно. Она собирает волосы тяжелой копной на голове, наподобие бухты старого каната. Кожа ее по консистенции напоминает белый воск, а глаза блестят, как янтарные четки. В ней чувствуется необузданное своеволие, сразу вызывающее опасения. Совершенно очевидно, что ее раздражают всевозможные страсти, и что она сдерживает их лишь настолько, насколько этого требуют обстоятельства. Как правило, она говорит резко и властно, но по желанию может придавать своему голосу почти певучую мягкость. Судя по всему, она руководствуется инстинктивной или подсознательной интуицией, а не теоретическими умозаключениями – в этом отношении она представляет собой полную противоположность смотрительнице Вержанс. В ходе совещания ни Симонетта, ни Клайти Вержанс не проявляли никакого дружелюбия, пытаясь лишь придерживаться самых основных правил цивилизованного поведения. Это, однако, не имело значения – мы приехали в Йиптон не для того, чтобы обмениваться любезностями, а для того, чтобы определить, каким образом мы могли бы наилучшим образом координировать усилия, направленные на достижение общей цели.

Я рассматривал себя как одного из виднейших членов делегации и начал говорить, чтобы упорядоченно, связно и недвусмысленно сформулировать свое истолкование принципов партии ЖМО – у Симонетты не должно было остаться никаких иллюзий по поводу нашей позиции. Смотрительница Вержанс, тем не менее, проявила самую вульгарную и беспардонную грубость, прерывая мои замечания и перекрикивая меня, когда я стал возражать, указывая на то, что изложение манифеста ЖМО входило в мои полномочия. Расшумевшись, как скандальная истеричка, Клайти Вержанс позволила себе произносить очевидные нелепости, называя Симонетту «товарищем по оружию» и «непоколебимой защитницей истины и добродетели». И снова

я попытался вернуться к надлежащему обсуждению актуальных вопросов, но Симонетта приказала мне «заткнуться», что, с моей точки зрения, было вопиющим оскорблением. Вместо того, чтобы осудить такое из ряда вон выходящее поведение, смотрительница Вержанс согласилась с Симонеттой, добавив несколько оскорбительных замечаний от себя лично: «Замечательно! – воскликнула она. – Если Каткар перестанет блять хотя бы на несколько минут, мы сможем наконец заняться нашими делами». Или что-то в этом роде.

Так или иначе, говорить стала Клайти Вержанс. Симонетта послушала ее минуту-другую и снова потеряла терпение. «Позволю себе высказаться откровенно! – заявила она. – На станции Араминта меня подвергли мучительным унижениям и преследованиям. С тех пор вся моя жизнь посвящена возмездию. Я намереваюсь налететь на Дьюкас как ангел смерти во главе полчища валькирий и стать самодержавной повелительницей станции. Сладость моей мести превзойдет все наслаждения, какие мне привелось испытать! Никто и ничто не укроется от раскаленного жала моей ярости!»

Смотрительница Вержанс сочла необходимым усюветить Симонетту, хотя она попыталась это сделать в весьма осмотрительных выражениях. «Партия жизни, мира и освобождения не видит в этом свою основную задачу, – сказала она. – Мы намерены сбросить бремя тирании, навязанное Хартией, и предоставить человеческому духу возможность свободно развиваться и процветать!»

«Ваши намерения несущественны, – отозвалась Симонетта. – В конечном счете Хартию заменит мономантический символ веры, которым будет определяться будущее Кадуола».

«Я ничего не знаю о вашем „символе веры“, – возразила Клайти Вержанс, – и не позволю навязывать всей планете какой-то извращенный культ».

«Вы несправедливы именно потому, что не знаете, о чем говорите, – парировала Симонетта. – Мономантика – абсолютный и окончательный свод универсальных знаний, нерушимый распорядок бытия и спасительного совершенствования!»

Заявления Симонетты заставили потерять дар слова даже смотрительницу Вержанс. Наступившим молчанием тут же воспользовался Джулиан. Он стал распространяться по поводу нового Кадуола и провозгласил, что в поистине демократическом мире убеждения каждого человека священны и неприкосновенны. Поэтому лично он, Джулиан Бохост, готов защищать эту концепцию до последнего вздоха – и так далее, и тому подобное. Симонетта стучала пальцами по столу и пропускала весь этот вздор мимо ушей. Нетрудно было догадаться, что она вот-вот взорвется, и что наша дипломатическая миссия закончится взаимными обвинениями и непоправимой ссорой. Поэтому я решил взять дело в свои руки, чтобы раз и навсегда внести ясность в наши взаимоотношения. Я указал на тот факт, что абсолютная демократия – каковую некоторые называют «нигилизмом» – равнозначна полному всеобщему хаосу. Кроме того, общеизвестно, что управление, доверенное коллективу – комитету, бюро или совету – лишь немногим менее хаотично, чем власть разнузданной толпы. Настоящий прогресс может быть достигнут только в том случае, если полномочиями власти будет облечен один решительный человек, чьи личные качества и суждения никто не подвергает сомнению. Я заявил, что, хотя и не испытываю безудержной жажды власти, сложившаяся критическая ситуация требует, чтобы я взял на себя эту огромную ответственность, со всеми проистекающими трудностями и последствиями. Я считал, что для нас всех настало время согласиться с этой программой и всецело посвятить себя ее осуществлению.

Некоторое время Симонетта молча сидела и смотрела на меня. Затем она спросила с подчеркнутой вежливостью: насколько я уверен в том, что лицом, облеченным полномочиями власти, должен быть именно мужчина?

Я ответил, что совершенно в этом убежден – таков, в конце концов, урок истории. Выполняя незаменимые функции и проявляя неподражаемые интуитивные способности, женщины вносят ценный вклад в общественное развитие. Но лишь мужчинам свойственно единствен-

ное в своем роде сочетание предусмотрительности, воли, настойчивости и способности вести за собой, необходимое руководителю.

«И какая же роль уготована смотрительнице Клайти Вержанс в вашем новом королевстве?» – спросила Симонетта.

Я понял, что выразился, пожалуй, слишком обобщенно и слегка увлекся, движимый самыми чистосердечными побуждениями. Я ответил, что «королевство» – термин, не вполне подходящий в данном случае, и что я, несомненно, испытываю глубочайшее уважение к достоинствам и способностям обеих присутствующих дам. Смотрительница Вержанс могла бы взять на себя руководство изящными искусствами и художественными ремеслами, а Симонетта, возможно, согласилась бы возглавить министерство образования – и та, и другая должность позволили бы им оказывать существенное влияние».

Чилке расхохотался: «Каткар, вы просто чудо!»

«Я не более чем изложил общепризнанные прописные истины».

«Вполне может быть, – покачал головой Чилке. – От прописных истин, однако, молоко киснет».

«Теперь я понимаю, что вел себя неосторожно. Я допускал, что и смотрительница Вержанс, и Симонетта Клатток – рационально, реалистично мыслящие личности, знакомые с фундаментальными принципами развития человеческой истории. Я ошибался».

«Да, вы ошиблись, – кивнул Чилке. – Что же случилось дальше?»

«Джулиан провозгласил, что, по его мнению, каждый из нас успел высказать свою точку зрения, и что теперь ему предстояло устранить некоторые расхождения, по-видимому поверхностные – ведь наша общая цель состояла в том, чтобы сбросить бесполезное бремя Хартии, а это само по себе не просто. Симонетта, казалось, не возражала, но предложила сделать перерыв и закусить. Мы вышли на террасу с видом на лагуну. Нам подали печеных мидий, рыбный паштет, хлеб из муки, смолотой из водорослей, и морскую капусту, а также вино, привезенное со станции Араминта. Надо полагать, я выпил больше, чем обычно – или мне в вино что-нибудь подсыпали. Так или иначе, у меня стали слипаться глаза, и я заснул».

Проснувшись, я обнаружил, что нахожусь в автолете. Я думал, что нас везли обратно в Строму, хотя не видел вокруг ни Клайти Вержанс, ни Джулиана. Полет, однако, занял гораздо больше времени, чем следовало, и закончился, к моему полному изумлению, на Шаттораке! Я возмущался, протестовал – но меня оттащили в яму и заперли под решеткой. Прошло два дня. Мне сказали, что я мог, по своему усмотрению, выполнять обязанности лагерного повара – или оставаться в яме. Само собой, я стал поваром. Вот, по существу, и все – больше рассказывать нечего».

«Где они прячут автолеты?»

Каткар поморщился: «Это не мои тайны. Я не хотел бы обсуждать такие вещи».

Шард спросил, спокойно и размеренно: «Вы разумный человек, не так ли?»

«Конечно! Разве это не очевидно?»

«В ближайшем будущем Шатторак подвергнется нападению всех вооруженных сил, какие мы сможем мобилизовать на станции. Если вы не предоставите нам точную и подробную информацию – и если по этой причине будет убит хотя бы один из наших служащих, вас объявят виновным в убийстве по умолчанию и казнят».

«Но это несправедливо!» – воскликнул Каткар.

«Называйте это, как хотите. В отделе В „справедливость“ рассматривается как нечто неотъемлемое от соблюдения положений Хартии».

«Но я – член партии ЖМО, сторонник прогресса! Для меня Хартия – архаическая нелепость!»

«Боюсь, что суд сочтет вас не только жмотом, но и предателем, соучастником убийства, и приговорит вас к смертной казни без малейшего сожаления».

«Еще не хватало! – пробормотал Каткар. – Какая разница, в конце концов? Автолеты – в подземном ангаре на восточном склоне Шатторака. Там были расширены подземные пустоты, образованные застывшей лавой».

«Как их охраняют?»

«Не могу сказать – мне не позволяли даже ходить в том направлении. Число автолетов, находящихся в ангаре, мне неизвестно по той же причине».

«Какова общая численность персонала?»

«Человек двенадцать».

«Все они – йипы?»

«Нет. Лучшие механики – с других планет. Ничего про них толком не знаю».

«Как насчет космической яхты Титуса Помпо? Как часто она появлялась?»

«Пару раз за все время, что я провел в тюрьме».

«С тех пор, как вы ездили в Йиптон со смотрительницей Вержанс, вы встречали Намура?»

«Нет».

«А Бардьюс? Какую роль он играет во всей этой истории?»

«Как я уже упоминал, – надменно ответил Каткар, – с этим человеком я не знаком».

«Судя по всему, он и Клайти Вержанс – давние приятели».

«Не могу судить».

«Гм, – задумался Глоуэн. – Возникает впечатление, что смотрительница Вержанс не так уж демократична, как могло бы показаться».

Каткар опешил: «Почему вы так считаете?»

«Клайти Вержанс, несомненно, собирается быть равнее всех равных в вашем новом равноправном обществе».

«Не совсем понимаю, что вы имеете в виду, – с достоинством ответил Каткар. – Подозреваю, однако, что вы нашли новый способ навлечь оскорбительные подозрения на руководство партии жизни, мира и освобождения».

«Подозрения? Может быть и так...», – рассеянно отозвался Глоуэн.

II

«Скайри» приблизился к станции Араминта с юго-запада на бреющем полете, чтобы избежать обнаружения, и приземлился в лесу на южном берегу реки Уонн.

Вскоре после захода солнца Глоуэн подошел к Прибрежной усадьбе и постучал в дверь парадного входа. Горничная впустила его в прихожую и объявила о его прибытии Эгону Тамму.

«Вернулся, целый и невредимый! – почти не скрывая радость, приветствовал его вышедший навстречу консерватор. – Чем закончилась твоя авантюра?»

Глоуэн покосился на прислугу, продолжавшую стоять в прихожей. «Пойдем, поговорим у меня в кабинете, – сказал Эгон Тамм. – Хочешь подкрепиться?»

«Не отказался бы от чашки крепкого чаю».

Отдав указания горничной, консерватор провел Глоуэна в свой кабинет: «Итак! Ты добился успеха?»

«Да. Мне удалось привезти не только Шарда, но и Чилке, а также еще одного заключенного, натуралиста по имени Каткар. Они ждут снаружи, в темноте. Не хотел приводить их с собой, чтобы их не заметили ваши гости».

«Гости вчера уехали – к моему величайшему облегчению».

«Не помешало бы позвонить Бодвину Вуку и пригласить его в Прибрежную усадьбу – в противном случае он обидится и будет бесконечно досаждать мне язвительными замечаниями».

Эгон Тамм позвонил директору отдела В, сразу ответившему на вызов. «У меня Глоуэн, – сказал консерватор. – По-видимому, дело в шляпе, но Глоуэн хотел бы, чтобы вы присоединились ко мне и выслушали его отчет».

«Прибуду сию же минуту».

Горничная принесла чай и печенье. Поставив поднос на стол, она спросила: «Что еще прикажете?»

«Ничего. Сегодня вечером вы можете отдыхать».

Служанка удалилась. Глоуэн проводил ее глазами: «Может быть, она – ни в чем не повинная честная работница. А может быть, она – шпионка, подосланная Симонеттой. Насколько мне известно, станция кишит ее шпионами. Совершенно необходимо, чтобы Симонетта не знала, что Шард, Чилке и Каткар сбежали из тюрьмы на Шатторак».

«Но ей уже об этом донесли – прошло столько времени!»

«Даже если ее поставили в известность, она не знает, где они – может быть, они решили попытать счастья в джунглях и болотах. А может быть, они прячутся поблизости от лагеря, надеясь захватить автолет».

«Проведи всех троих вокруг дома, к боковому выходу из флигеля в конце коридора. Я позабочусь о том, чтобы Эсме их не увидела».

Прибыл Бодвин Вук. Эгон Тамм сам открыл ему дверь и провел его в кабинет. Переводя взгляд с лица на лицо, директор отдела расследований пожал руки старым знакомым: «Шард! Рад видеть вас живым – хотя невозможно не признать, что вид у вас порядком потрепанный. Чилке, поздравляю с возвращением! А кто этот господин?»

«Жмот из Стромы, – ответил Глоуэн. – Его зовут Руфо Каткар; он представляет фракцию, несколько расходящуюся во взглядах с Клайти Вержанс».

«Любопытно, в высшей степени любопытно! Ну что же, докладывай – что нового?»

Глоуэн говорил полчаса. Бодвин Вук обернулся к Шарду: «Что, по-вашему, следует сделать в первую очередь?»

«Я считаю, что нужно нанести удар, и как можно скорее. Если Смонни пронюхает, что ее тайну раскрыли, будет слишком поздно. По-моему, нам уже давно пора действовать».

«Шатторак защищен?»

Глоуэн повернулся к Каткару: «Что вы можете сказать по этому поводу?»

Каткар тщетно пытался скрыть раздражение: «Вы ставите меня в самое неудобное положение! Даже если Симонетта отвратительно со мной обошлась, я не могу признать, что мои интересы совпадают с вашими. В принципе я намерен свергнуть тиранию Хартии, в то время как вы намерены продлить ее действие настолько, насколько это возможно».

«Мы надеемся сохранить порядок, установленный в Заповеднике, это правда. Такие уж мы негодяи, – сокрушенно заметил Бодвин Вук. – Что ж, существует простое решение проблемы, справедливое для всех заинтересованных сторон. Вы можете ничего нам не говорить, а мы тихонько вернем вас на Шатторак и оставим там, где вас нашел Глоуэн. Чилке, сколько авиолетов можно поднять в воздух сию минуту?»

«Четыре новые машины, три тренировочных авиолета, два грузовых транспортера и „Скайри“. Главная проблема в шпионаже. Смонни донесут о каждом нашем движении, она будет готова к налету. В связи с чем я вспомнил, что мне нужно срочно поговорить с Бенджами. По меньшей мере одним шпионом будет меньше».

Бодвин Вук повернулся к Эгону Тамму: «Каткара следует рассматривать как неприятеля и содержать в заключении до тех пор, пока мы не сможем вернуть его в болота Эксе».

«Запру его в сарае, – предложил консерватор. – Там его никто не потревожит. Пойдемте, Каткар – такова необходимость, навязанная обстоятельствами».

«Нет! – в отчаянии воскликнул Руфо Каткар. – Я не хочу в сарай – и еще больше не хочу возвращаться на Шатторак. Я расскажу вам все, что знаю».

«Как вам угодно, – развел руками Бодвин Вук. – Каковы оборонительные возможности лагеря на Шатторак?»

«По два орудия с обеих сторон коммуникационного центра. Еще по паре орудий с обеих сторон ангара. Приближаясь по маршруту Глоуэна – вглубь континента вдоль реки, затем вверх к лагерю на минимальной высоте – можно избежать обнаружения радаром и уничтожить коммуникационный центр, не опасаясь орудий. Больше я ничем не могу вам помочь, потому что больше ничего не знаю».

«Очень хорошо, – кивнул Бодвин Вук. – Вас не отправят обратно на Шатторак, но вам придется ждать нашего возвращения взаперти – по очевидным причинам».

Каткар снова принялся протестовать, но тщетно – Эгон Тамм и Глоуэн отвели его в сарай неподалеку от Прибрежной усадьбы и заперли там на замок.

Тем временем Бодвин Вук приказал нескольким служащим отдела В задержать Бенджами, но к величайшему разочарованию Чилке, шпиона-йипа нигде не было. Как выяснилось впоследствии, он покинул станцию Араминта на борту звездолета «Диоскамедес транслюкс», направлявшегося вдоль Пряди Мирцеи к пересадочному терминалу в Плавучем Городе на четвертой планете Андромеды 6011.

«Увы! – сказал по этому поводу Чилке. – Бенджами чует опасность лучше, чем вибриссы огнерысы с планеты Танкред. Сомневаюсь, что мы когда-либо встретимся снова».

III

В самое темное и тихое время между полночью и рассветом с аэродрома станции Араминта вылетели четыре патрульные машины, вооруженные всеми средствами разрушения, какие мог предоставить арсенал управления Заповедника. Перемещаясь с высокой скоростью, они стремительно обогнули полушарие Кадуола – покинув берега Дьюкаса, пересекли Западный океан и снизились, чтобы незаметно приблизиться к Эксе. Автолеты промчались, как тени, вверх по течению извилистого Вертеса, над самой поверхностью воды и таким образом укрылись за стеной джунглей от любых детекторов, установленных на потухшем вулкане.

Там, где Глоуэн раньше оставил «Скайри», диверсионная эскадрилья повернула направо, пронеслась над прибрежной трясинной и, поднимаясь над самыми вершинами деревьев, достигла вершины Шатторака.

Через двадцать минут операция завершилась. Приземистое строение коммуникационного центра было уничтожено вместе с оборонительными огневыми позициями. В ангаре нашлись семь автолетов, в том числе две машины, недавно похищенные со станции Араминта. Персонал лагеря не оказал сопротивления. Девять человек из двенадцати задержанных, в черных униформах, числились в элитном подразделении охраны Титуса Помпо – так называемых «умпов». Трое были наемными техниками с других планет. Почему их удалось захватить врасплох? Почему никто даже не пытался отразить нападение? Йипы ничего не отвечали, но один из инопланетных техников сообщил, что побег Шарда и Чилке, а также исчезновение Каткара, не вызвали особых подозрений или беспокойства и не привели к повышению бдительности: тюремщики не сомневались в том, что местонахождение их лагеря никому не известно, а также в беспощадности «зеленого прокурора» – болота Эксе непроходимы, и любая попытка побега равнозначна самоубийству. По сведениям того же техника, облава на Шатторак всего лишь на неделю упредила оккупацию Мармионского побережья йипами: уже был получен приказ оснастить автолеты всеми имеющимися под рукой орудиями. Короче говоря, трудно было выбрать более удачное время для облавы.

IV

На станции Араминта консерватор, в обществе Бодвина Вука и Шарда Клаттока, подверг Руфо Каткара длительному допросу с пристрастием.

После этого Эгон Тамм созвал в Прибрежной усадьбе экстренное совещание с участием шестерых смотрителей Заповедника.

Сразу по прибытии шестерых смотрителей их провели в гостиную Прибрежной усадьбы. На совещании присутствовали также Бодвин Вук, Шард и, по настоянию консерватора, Глоуэн. Смотрители Боллиндер, Гельвинк и Фергюс сели с одной стороны; смотрители Клайти Вержанс и Джори Сискин, члены партии ЖМО, а также Лона Йон, заявившая о своем политическом нейтралитете – с другой.

Эгон Тамм, в официальной мантии консерватора, открыл заседание.

«Вероятно, вам предстоит важнейшее совещание в вашей жизни, – предупредил он. – Нам угрожала катастрофа невероятных масштабов. Нам удалось ее предотвратить, но лишь до поры до времени. Я говорю о вооруженном нападении йипов на станцию Араминта, за которым должно было последовать вторжение тысяч йипов на Мармионское побережье – что, конечно же, положило бы конец существованию Заповедника.

Как я упомянул, нам удалось предотвратить самое худшее. Мы захватили семь летательных аппаратов йипов и большое количество оружия.

В связи с этим вынужден сообщить с глубоким сожалением, что поступки одного из высших должностных лиц Заповедника граничили с предательством, хотя можно не сомневаться в том, что будет предпринята попытка оправдать это поведение идеалистическими побуждениями. Клайти Вержанс! С этой минуты вы исключены из состава совета смотрителей Заповедника».

«Это невозможно и незаконно! – отрезала Клайти Вержанс. – Я избрана всенародным голосованием с соблюдением всех формальностей».

«Тем не менее, ваша должность предусмотрена Хартией. Вы не можете бороться за уничтожение Хартии и одновременно пользоваться дарованными ею привилегиями. Те же соображения применимы в отношении Джори Сискина, также члена партии ЖМО. Я приказываю ему немедленно сложить с себя полномочия смотрителя Заповедника. А вас, смотрительница Йон, я вынужден спросить: поддерживаете ли вы Хартию безоговорочно во всех ее аспектах? Если нет, вам тоже не место в совете смотрителей. Мы больше не можем позволить себе роскошь конфликта и раскола».

Лона Йон, худощавая высокая женщина, уже немолодая, с коротко подстриженными белыми волосами и пронизательной костлявой физиономией, ответила: «Мне не нравится самодержавная поза, которую вы себе позволяете, и меня возмущает необходимость формулировать вслух то, что я привыкла считать своими личными убеждениями, не подлежащими огласке. Тем не менее я понимаю, что мы оказались в чрезвычайной ситуации, и что мне придется примкнуть к той или иной стороне. Что ж, пусть будет так! Я считаю себя человеком независимым и не замешанным в политические интриги, но могу со всей уверенностью заявить, что поддерживаю Хартию и принципы Заповедника. Должна заметить, однако, что предписания Хартии не соблюдаются со всей строгостью и никогда не соблюдались более чем приблизительно».

Лона Йон набрала воздуха, собираясь приступить к дальнейшим пояснениям, но Эгон Тамм прервал ее: «Очень хорошо – этого достаточно».

«Можете издавать приказы сколько хотите, – презрительно произнесла Клайти Вержанс. – Факт остается фактом: я представляю значительную часть натуралистов, и мы отвергаем ваши жестокие, по сути дела бесчеловечные принципы!»

«Тогда я должен предупредить вас и всех, кто за вас голосовал, что любая попытка воспрепятствовать соблюдению законов Заповедника или уклониться от их исполнения будет рассматриваться как преступление. К таким попыткам относятся сговор с Симонеттой Зигони и любое содействие осуществлению ее планов».

«Вы не можете мне указывать, с кем я могу или не могу иметь дело!»

«Симонетта – вымогательница и похитительница. За ней числятся и более тяжкие преступления. Присутствующий здесь Шард Клатток был похищен по ее приказу. Другой ее жертвой оказался ваш партийный товарищ, Руфо Каткар».

Клайти Вержанс рассмеялась: «Если Симонетта – такая разбойница, почему вы ее не задержите и не привлечете к ответственности?»

«Если бы я мог вывезти ее из Йиптона, не прибегая к насилию и кровопролитию, ее арестовали бы сию секунду!» – Эгон Тамм повернулся к Бодвину Вуку: «У вас есть какие-нибудь предложения по этому поводу?»

«Если мы начнем депортировать йипов на Шаманиту, где ощущается острый дефицит трудовых ресурсов, рано или поздно Смонни нам попадется».

«Какое бесчувственное заявление! – воскликнула Клайти Вержанс. – Как вы убедите йипов покинуть Кадуол?»

«То, что потребуется в данном случае, трудно назвать „убеждением“, – улыбнулся Бодвин Вук. – Кстати, где ваш племянник? Я ожидал увидеть его в числе присутствующих».

«Джулиан отправился в космический полет по важным делам».

«Рекомендую вам обоим впредь не нарушать положения Хартии, – перестал улыбаться Бодвин. – В противном случае и вам, госпожа Вержанс, придется отправиться в космос».

«Какая чушь! – усмехнулась Клайти Вержанс. – В первую очередь вы должны продемонстрировать, что ваши дикие древние предрассудки основаны на каком-то фактическом документе, а не на слухах и легендах».

«Даже так? Нет ничего проще. Обернитесь – над вашей головой, на стене, висит факсимильная копия Хартии. Такая же копия есть в каждом доме и в каждом учреждении на Кадуоле».

«Мне больше нечего сказать».

V

В Прибрежной усадьбе наступил вечер. Смотрители и бывшие смотрители улетели в Строму. Руфо Каткар тоже хотел вернуться в Строму, но Бодвин Вук еще не убедился в том, что Каткар выложил все, о чем мог рассказать – неуживчивый натуралист явно подозревал больше, чем говорил.

Бодвин Вук, Шард, Глоуэн и консерватор задержались за обеденным столом, отдавая должное местному вину и обсуждая события дня. Бодвин заметил, что Клайти Вержанс не слишком смутилась, лишившись места в совете, и не выразила никаких сожалений по этому поводу.

«Должность смотрителя – почетное, почти символическое звание, – ответил Эгон Тамм. – Настоящих выгод она не сулит. Клайти Вержанс добилась избрания в Строте потому, что считала, что сможет сама определять круг своих обязанностей. Кроме того, статус смотрительницы служил оправданием ее склонности совать нос в чужие дела».

«Одно из ее замечаний показалось мне любопытным, – задумчиво сказал Шард. – У меня такое чувство, что она проговорила – не смогла удержаться и сболтнула лишнее».

Эгон Тамм недоуменно нахмурился: «О каком замечании вы говорите?»

«Она заявила, в сущности, что Хартия – воображаемый документ, не более чем слух или легенда, лишенная фактических оснований древнее поверье. Нечто в этом роде».

Бодвин Вук поморщился и опрокинул бокал вина в свою луженую глотку: «Похоже на то, что эта невероятная женщина верит в свою способность избавиться от Хартии одним усилием воли, по мановению волшебной палочки!»

Глоуэн хотел было возразить, но промолчал. Он обещал Уэйнесс никому не говорить об ее открытии – о том, что оригинальный экземпляр Хартии исчез из сейфа Общества натуралистов. В последнее время, однако, возникало впечатление, что тайна Уэйнесс, вопреки ее надеждам, становилась известной слишком многим. Попытки Симонетты завладеть имуществом Чилке, а теперь и раздраженные замечания Клайти Вержанс, позволяли предположить, что неприятная новость оставалась тайной только для лояльных консервационистов.

Учитывая ситуацию, сложившуюся на станции Араминта, Глоуэн решил, что с его стороны лучше всего было бы пролить некоторый свет на обстоятельства, неизвестные его собеседникам. Он осторожно произнес: «Вполне может быть, что вы недооцениваете значение замечаний Клайти Вержанс».

Бодвин Вук тут же с подозрением набылчился: «Даже так? Давай, выкладывай все, что знаешь!»

«Слова Клайти Вержанс, признаться, меня огорчили и напугали. Еще больше меня беспокоит то обстоятельство, что Джулиан Бохост поспешно отправился в космический полет».

Бодвин Вук тяжело вздохнул: «Как всегда! Все, кому не лень, прекрасно осведомлены о неминуемых бедствиях и надвигающихся катастрофах – все, кроме сладко дремлющих офицеров отдела расследований!»

«Будь так добр, Глоуэн, объясни, что происходит», – предложил Эгон Тамм.

«Хорошо, я объясню, – в свою очередь вздохнул Глоуэн. – Раньше я этого не делал потому, что обещал не разглашать тайну».

«Кто тебе разрешил утаивать информацию от руководителей? – взревел Бодвин Вук. – Ты что о себе возомнил – что ты умнее всех нас, вместе взятых?»

«Ни в коем случае, директор! Я просто договорился с лицом, передавшим информацию, что для всех будет лучше, если мы не станем ее разглашать – до поры до времени».

«Ага! И кто же этот не в меру осторожный осведомитель?»

«Э... Уэйнесс, директор».

«Уэйнесс?»

«Да. Как вам известно, она сейчас на Земле».

«Продолжай».

«Короче говоря, она обнаружила во время предыдущей поездки на Землю, когда гостила у Пири Тамма, что Хартия и бессрочный договор о передаче права собственности на Кадуол исчезли. Шестьдесят лет тому назад некий секретарь Общества натуралистов по имени Фронс Нисфит потихоньку грабил Общество и продал коллекционерам древних документов все, что имело какую-либо ценность – в том числе, судя по всему, оригинальный экземпляр Хартии. Уэйнесс надеялась узнать, кому была продана Хартия – и думала, что ей будет легче это сделать, если о пропаже документа никто не будет знать».

«Вполне разумное допущение, – сказал Шард. – Но тебе не кажется, что она взяла на себя слишком большую ответственность?»

«Так или иначе, она так решила. Теперь становится ясно, что Симонетта тоже узнала о пропаже Хартии – и, может быть, знает обо всем этом больше, чем Уэйнесс».

«Почему ты так считаешь?»

«Некоторые из документов Общества мог приобрести коллекционер по имени Флойд Суэйнер. Он умер, завещав все свое наследство внуку, Юстесу Чилке. Симонетта выследила Чилке и увезла его на планету Розалия. А Намур привез его оттуда сюда. Тем временем Смонни пыталась выяснить, где Чилке или его дед спрятали Хартию – но безуспешно. После чего Смонни приказала похитить Чилке и отвезти его на Шатторак, где она заставила его под страхом смерти подписать документ, передающий ей всю его собственность. Похоже на то, что Смонни и ее союзники, йипы, настроены очень серьезно».

«А причем тут Клайти Вержанс? Она откуда все это знает?»

«По этому поводу следовало бы еще раз поговорить с Каткарром», – посоветовал Глоуэн.

Эгон Тамм позвал горничную и приказал ей привести Каткара из комнаты, отведенной для его временного пребывания в усадьбе.

Руфо Каткар не замедлил появиться и некоторое время стоял в дверном проеме, оценивая собравшихся в столовой. Он успел тщательно подстричь черные волосы и бороду; на нем был мрачноватый черный костюм с коричневыми нашивками – в традиционном консервативном стиле Стромы. Черные глаза Каткара бегали из стороны в сторону. Наконец он сделал шаг вперед: «Чем еще могу вам служить? Я уже рассказал все, что знаю, и дальнейший допрос был бы чистым издевательством».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.